

С.А. Дробышевский

**Из классических учений
о политике и праве XX века:
актуальные идеи
Г. Еллинека и Д. Истона**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОРМА

Москва 2018 г.

Аннотация

Дробышевский С.А. Из классических учений о политике и праве XX века: актуальные идеи Г. Еллинека и Д. Истона: монография. – М.: Норма, 2018. – 112 с.

Книга освещает необходимые для политологов и правоведов положения изучений классиков политической и юридической науки XX в. Г. Еллинека и Д. Истона. Большая часть этих идей впервые приведена на русском языке. Издание адресовано не только изучающим политологию и право, но и специалистам в этих сферах, нацеленным на успех в профессиональной деятельности, а также всем интересующимся закономерностями и проблемами политического управления и правового регулирования.

Оглавление

Введение

Раздел 1. Политико-юридические идеи Г. Еллинека

1.1. О понятии государства

1.2. О методологии исследования политико-юридических явлений

1.3. О носителе государственной власти

1.4. О движущих силах развития государственной организации

1.5. О целях государственной организации

1.6. О связи государства и права

1.7. О неравенстве людей в государстве

1.8. О естественном праве

1.9. О государстве, где господствует закон

1.10. О компетенции государственных органов

1.11. О правовой безответственности главы государства

1.12. О разрешении противоречий между высшими государственными органами

1.13. О борьбе со злоупотреблениями структур политической власти

1.14. О развитии свободы в государстве

1.15. О заинтересованности государственной организации в прогрессе личности

1.16. О так называемых «неправых» юридических актах

1.17. Об усмотрении главы должностных лиц в государственной организации

1.18. О централизации и децентрализации в государстве

1.19. О формах государства

1.20. О содержании юридических норм

1.21. О поддержке существующего политического строя населением государства

1.22. О юридической презумпции правомерности существующего состояния

1.23. Об убеждённости людей в разумности государства

1.24. О влиянии социальной борьбы на политико-юридические явления

Раздел 2. Д. Истон о политических явлениях и их научном исследовании

2.1. О системном исследовании явлений политики и предназначенных для этого понятиях

2.2. О предмете политологии

2.3. О развитии политологии в США в конце XIX—XX в.

Введение

К классикам мирового политико-юридического знания XX столетия принадлежат германский мыслитель Г. Еллинек и учёный из Северной Америки Д. Истон. Авторитет выдвинутых ими идей сегодня высок среди политологов и юристов многих стран, в том числе России.

В научном наследии Г. Еллинека и Д. Истона присутствуют теоретические положения, которые способны принести немалую пользу отечественным политологии и юриспруденции. Однако пока этими науками отмеченные идеи в достаточной степени не восприняты.

Так, первый из упомянутых исследователей верно понимал право в качестве необходимого элемента государства (см.: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. СПб., 1908. С. 117, 316). Между тем некоторые современные российские авторы занимают иную теоретическую позицию. Согласно ей государство и право связаны как внешние друг относительно друга феномены (см.: *Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько*. М., 2000. С. 236—237, 240—241; *Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова*. М., 2002. С. 128—130; *Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права*. М., 2005. С. 148-150).

Г. Еллинек правильно писал о невозможности функционирования государственной организации без юридических ограничений (см.: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. С. 269—270, 349—350, 352, 354). Вопреки этому воззрению отдельные учёные заявляют, что существуют государства, которые не связаны правом (см.: *Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько*. С. 238, 260; *Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права*. С. 691; *История политических учений / под ред. С.Ф. Кенекьяна и Г.И. Федькина*. М., 1960. С. 695—696).

Учение Д. Истона нередко воспринимается в качестве неюридического (см.: *История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста*. М., 2002. С. 658—659; *Зотов В.Д., Зотова Л.В. История политических учений*. М., 2005. С. 463). Причём подчас ссылаются на его собственное суждение. В со-

ответствии с таковым политика понимается как «авторитетное распределение ценностей для общества» (*Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago: The University of Chicago Press, 1979. P. 50. Далее в ссылках это сочинение обозначено F.*).

Вместе с тем забывают или не ведают, что приведённое суждение Д. Истон считал тождественным по содержанию другому: политика есть создание и проведение в жизнь обязательных решений для общества (см.: *Easton D. A Framework for Political Analysis. P. 78, 96—97; Easton D. Political Science in the United States: Past and Present // International Political Science Review. Vol. 6. No 1. The Future of the State (1985). P. 133—134. В последующих ссылках это сочинение обозначено P.*). Иными словами, речь идёт о правовом регулировании.

Обычно игнорируется и несомненный вклад Д. Истона в юриспруденцию, который заключается в следующем. Используя данные политической и правовой антропологии, этот учёный доказал факт: каждое общество из истории и современности формулирует обязательные для него решения и обеспечивает реализацию таких постановлений (см.: *Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. Prentice-Hall. Englewood Cliffs, N. J., 1966. P. 148. В последующих ссылках это сочинение обозначено С.*). Для юриспруденции это означает, что правовое регулирование, равно как и юридические нормы, возникло вместе с самим человечеством, а не позже.

В предлагаемой монографии, недостаточно воспринятые современными политологией и юриспруденцией теоретические положения Г. Еллинека и Д. Истона сформулированы по возможности полно. Причём, по замыслу автора, изложение идей указанных учёных максимально основывается на их словесном материале, цитируемые словесные выражения и конструкции приведены с соответствующими ссылками.

Первый раздел книги посвящён научному творчеству Г. Еллинека. Здесь, в частности, приведены его суждения о понятии государства и обозначающих

эту реальность терминах, показано, что в России не нашёл употребления самый желательный, по мнению названного мыслителя, термин. Также отмечена мысль учёного, что международное право действует для конкретного государства в том объёме, в каком выступает нормами, установленными суверенной властью указанного союза. Представлены и иные идеи Г. Еллинека, например концепция естественного права. Правда, подвергнуто критике противопоставление такового позитивным правовым нормам, свойственное излагаемой теории.

Во втором разделе книги охарактеризовано учение о политико-юридических феноменах Д. Истона, описан метод их системного исследования, определены понятия, предназначенные для осуществления упомянутого способа познания. Сформулированы идеи Д. Истона о необходимых условиях выживания политически организованного общества. Кроме того, приведены представления учёного о предмете политологии, который, как продемонстрировано, есть реальность, также изучаемая юриспруденцией.

Автор выражает надежду, что изложенные далее идеи Г. Еллинека и Д. Истона будут восприняты полностью, став составной частью современного отечественного политико-юридического знания. И это будет способствовать совершенствованию правового регулирования в нашей стране.

Раздел 1. Политико-юридические идеи Г. Еллинека

Основная работа выдающегося ученого «Общее учение о государстве» опубликована на рубеже XIX и XX столетий. (Дальше до конца этого раздела все ссылки, кроме последней в первом подразделе, даны на отмеченную книгу — *в скобках указана искомая страница. Если несколько приведенных в тексте абзаца цитат или их фрагментов относятся к одной странице источника, то за последней из таких цитат в скобках перед страницей указано см. Так же оформляется отсылка на страницы источника, обосновывающие изложенные автором положения.*) Однако и в условиях современности многие сформулированные в ней идеи в полной мере не воплощены в материалах политико-правовых научных исследований. Вот некоторые теоретические представления из указанного сочинения, относительно которых только что приведенное суждение справедливо.

1.1. О понятии государства

Воззрения на этот предмет многих других мыслителей Г. Еллинек признавал неудовлетворительными. Так, по его словам, ошибочно, что «ни в одном из известных... определений государства, начиная с Гроция и до Канта, не упоминается о территории» (294). Ведь без выделенного пространства государство немислимо.

Причем отмеченное заблуждение существовало в науке и в более ранние эпохи. Например, представление, согласно которому «государство тождественно с составляющими его людьми... положено в основу» идей, «популярных у народов древности... играет значительную роль» (104) в средневековых политических доктринах.

Правда, «сумма индивидов не есть еще государство» (435), даже если предполагается жизнь этих людей на определенной территории. Для его существования необходим народ как «союз лиц» (294), представляющий собой «правовое единство» (527).

Государство невозможно без совокупности людей, получившей «корпоративное», основанное на юридических нормах «устройство» (см. 435). Неверно смешивать «рядом стоящих индивидов» с народом в рассматриваемой трактовке. Им «масса становится лишь посредством объединяющей ее организации», когда уже принято определенное решение «относительно... учреждения правительства». Нельзя согласиться с мнением С. Пуфендорфа и Ж.-Ж. Руссо, утверждавших о существовании «народа» еще до такого постановления, другими словами, ранее создания в совокупности лиц системы управления (см. 104).

В частности, не соответствует действительности следующее суждение Ж.-Ж. Руссо: «Народ... до учреждения правительства решает... согласно принципу большинства». Как полагал Г. Еллинек, именно право государства, где имеется конкретный образ правления, определяет, что народным постановлением «считается воля» известного количества людей. Скажем, речь может идти о большинстве — относительном, абсолютном, двух третях и т.д. (см. 104—105). Но «это никогда не разумеется само собою». Вдобавок «и исторически принцип большинства выработался лишь постепенно и во многих случаях вообще не применялся» (см. 105).

Подверг критике Г. Еллинек и трактовку «государства как властителя или власти» (105), т.е. «правительства» (296). Согласно его рассуждениям, упомянутая идея «коренится в популярном представлении... Чувственно воспринимаемые носители власти во все времена рассматривались массами как олицетворение и потому... истинная реальность государства. В христианском мире это воззрение нашло значительную поддержку в словоупотреблении Нового Завета». Так, «когда Христос метафорически говорит о царствии земном, он называет» последнее «личным господством князя» (см. 105). Впоследствии же «абсолютный монарх сливался в народном» сознании «с абсолютной монархией» (см. 533).

В науку анализируемое понимание государства в виде правителей или власти «проникает через посредство абсолютистской теории». В этом учении во

Франции, как его «формулировал Bossuet... прямо» заявлено, «что все государство заключено в лице властителя» (см. 105).

С точки зрения Г. Еллинека, приведенное суждение неверно по простой причине. «Люди, которые приказывают, и те, кто повинуются этим приказаниям, образуют субстрат государства» (127), имеющего, «впрочем, и территорию» (128).

Не случайно в приложении к политической практике обсуждаемая идея приводит к абсурдным результатам. Скажем, когда в условиях самодержавия правитель «рассматривается как физическое лицо», неизбежен вывод: «Со смертью каждого данного властителя перестает существовать и государство» (см. 106). А это противоречит реальному положению дел.

«В науке... всех времен», констатировал Г. Еллинек, присутствует еще одно теоретическое положение, заслуживающее упреков. Оно гласит: «Государство есть организм» (107). Притом зачастую подобным образом определяются и «право, хозяйство, отдельные народы, все общество», наконец, «даже человечество» (см. 108). Организмом же, начиная с XIX столетия, обычно признается «всякое живое существо» (114), хотя раньше он нередко отождествлялся с «мертвым механизмом» (110).

Что касается учения, рассматривающего государство в виде «органического образования в физическом смысле, имеющего свое... независимое от индивидов и управляемое естественными законами бытие» (107), то эта теория ошибочна в силу очевидного обстоятельства. Конструируемого отмеченной доктриной «стоящего рядом с людьми или над ними» (127) мертвого механизма либо «живого существа» (114), обнаруживающего, например, такие «же психические элементы, как у индивидуума» (107), просто нет.

Исходя из подобной логики, считал Г. Еллинек, «следует восстать» и «против учения, предполагающего одновременное, рядом друг с другом, существование нескольких социальных организмов, каждый из которых обнимает в качестве членов тех же индивидуумов, — государства, церкви, союзов» (113).

В реальной картине общественной жизни выделенные объединения функционируют иначе.

Равным образом противоречит действительности концепция государства как «коллективного организма» (108). В этой теории оно «заключает в себе» остальные человеческие ассоциации. И всякая такая организация именуется «частичным организмом». На самом же деле существуют многочисленные негосударственные социальные объединения, где некоторые члены любой из отмеченных структур являются иностранцами друг относительно друга. Образцом может служить, скажем, католическая церковь (см. 114).

В «органических» (109) учениях Г. Еллинек рассматривал неверным и следующее представление. При признании государства организмом оно иногда «объявляется... независимым от сознания» (108) людей или «отрешенным от человека, находящимся вне сферы его воздействия» (127). Причем предполагается «так называемое естественное... развитие государственных учреждений, которое... не дает возможности выводить их из сознательной разумной воли индивидов, а превращает... напротив, в непреодолимые силы», куда «человеческое усмотрение может внести лишь самые незначительные изменения», поскольку последние «являются устойчивыми» (см. 112).

Разумеется, писал Г. Еллинек, опрометчиво игнорировать «тот факт, что конкретные государственные состояния в значительной мере созданы не современностью, а унаследованы от прошлого» (127). Однако нельзя не принимать во внимание и «необходимость для государства непрерывной сознательной, направленной на определенные цели» человеческой «деятельности». Ведь без таковой оно не в состоянии «существовать ни одного момента» (см. 113).

Правда, традиционные характеристики и учреждения государственной жизни во многих случаях сложились в результате активности людей, уже умерших, и поэтому для здравствующих индивидов обречены выступать силой, функционирующей по отношению к ним объективно. Но без сознательных усилий живущих в государстве лиц выделенные черты и структуры не сохранились бы. «Всякая традиция», даже самая могущественная, «действует... только» по

причине восприятия «ее каждым последующим поколением... Все, что знали и умели» человеческие индивиды прошлых эпох, «должно... вновь быть внутренне пережито» существующими людьми, «воссоздано» ими «путем изучения и испытания на практике, а эти процессы относятся преимущественно к сфере сознательного» (см. 127).

Как ясно из изложенного, перечисленные изъяны различных органических теорий государства не ставят под сомнение состоятельность всей их совокупности. Вместе с тем в анализируемой доктрине, отмечал Г. Еллинек, присутствует и положение, позволяющее сделать заключение о ее неверности в целом. Он имел в виду следующее. «Последователи органического учения обычно называют отвергаемые ими государственные учреждения и реформы неорганическими, и в самом этом термине уже заключается отрицание всей органической теории. Ибо в жизни организма не может произойти ничего неорганического. Болезнь, уродства, истощение сил и т.д. суть органические процессы» (112).

Однако отсюда не вытекает, что сравнение государства или иного социального образования с организмом не может принести научной пользы. Она, безусловно, нередко налицо, если категория «организм» применяется «как вспомогательное средство для синтезирования явлений» в виде «краткой формулы в высшей степени сложных... массовых процессов» (см. 111). Именно такое использование обеспечило «органическим конструкциям... человеческого общения» (108—109) долгую жизнь в науке.

По мнению Г. Еллинека, государство есть «нераздельное единство» (364) ряда «элементов» (310), которые «взаимно обуславливают друг друга». Причем «выделить один из них возможно только гипотетически», ибо «каждый... предполагает» (см. 311) остальные. И эти элементы «получают» неодинаковое «выражение в различной культурной среде». Более того, выделяются «ли они и как сознаются» конкретными «народом и... эпохой, зависит от характера» (см. 209) рассматриваемых социальной общности и времени.

Все упомянутые элементы представляют собой отдельные «моменты» (287) государства как специфического человеческого «общения» (130), складывающегося из «определенных одновременных и следующих друг за другом действий... людей» (126). Вдобавок указанное взаимодействие выступает в виде «союза» (284), зачастую именуемого Г. Еллинеком «организацией» (194) или «корпорацией» (132).

Правда, последние три термина, используемые в данном случае как синонимы, обозначают «лишь родовое понятие, под которое должно быть подведено государство» (117). Ведь союзом является не только «государственная организация» (310). И «многочисленные социальные образования» (117) в ней возможно так определить.

Безусловно, любая корпорация есть объединение людей ради реализации каких-либо целей. Но здесь «необходимо связаны друг с другом единство» этой целостности и «множественность» ее членов. Притом первое «ограничено... исключительно целями союза». Отсюда «индивид занимает двойственное положение» (см. 129—130), являясь, с одной стороны, участником организации, а с другой — «свободной» (130) от упомянутого коллектива и потому самостоятельной (см. 125) «индивидуальностью» (130). Другое дело, что «чем многочисленнее объединяющие цели и... сильнее их влияние», тем больше «выражено единство» (см. 129) ассоциации.

По взглядам Г. Еллинека, организация имеет и ряд иных черт. Прежде всего, союз «нуждается в руководстве единою волею». Ее «представляет союзная власть», которая «может издавать обязательные постановления для членов» (см. 311) корпорации и проводить такие веления в жизнь.

При этом некоторые «естественные индивидуальные волевые акты» участников организации «переносятся» мышлением указанных людей на само объединение, другими словами, «приписываются» рассматриваемому коллективу. В результате часть человеческих поступков понимается как «исходящая» (см. 131) от корпорации и «выражающая» (132) ее единство. Лица же, осуществляющие отмеченные акты, «становятся» при выполнении последних

«орудиями воли» объединения, т.е. «органами» ассоциации. Упомянутых индивидов, соединенных друг с другом для руководства организацией, и именуют «союзной властью» (см. 131). Именно они обладают «способностью» обеспечивать реализацию «своей воли» (см. 130), выражающейся в «нормах» (312) союза, иными членами корпорации. И здесь обнаруживается второй смысл, вкладываемый Г. Еллинеком в понятие власти. Ею является способность выделенных органов направлять поведение участников организации (см. 130).

Это объединение, естественно, существует в пространстве. Разные ассоциации демонстрируют в анализируемом отношении отличия одна от другой. Скажем, лишь некоторые союзы распространяют их власть в названной сфере не только на своих членов, но и на остальных людей. Среди этих корпораций Г. Еллинек выделял ассоциации, руководящие человеческими индивидами «независимо от какой бы то ни было территориальной основы» (286), а также еще один род организаций. В нем каждый союз имеет власть главным образом лишь над людьми, которые находятся в пределах известного пространства. Такой род представляет собой совокупность «территориальных» корпораций. Для всякой из подобных структур характерно то, что занимаемое организацией пространство, называемое «территорией», есть элемент самой ассоциации (см. 293). Вдобавок внешняя для этого объединения власть не может здесь действовать без его разрешения в случае, когда не является высшей или руководящей по отношению к такой организации (см. 286).

Согласно представлениям Г. Еллинека, перечисленные характеристики всех союзов свойственны и государству. Но оно — своеобразная корпорация, имеющая немало особенностей. Так, «государство из всех союзов являет наибольшую полноту постоянных целей». И если не считать объединений, где участниками являются отдельные страны, то именно в рамках одной из государственных организаций целиком или частично помешаются остальные корпорации (см. 130). В последнем случае союз полностью входит в несколько государств.

В отличие от других ассоциаций государственная организация обладает «простирающейся на все стороны человеческой жизни сферой влияния» (130). Государство является также территориальной корпорацией, которой присущ особый характер властвования, а именно «господство» (313). Здесь имеются в виду два обстоятельства.

Во-первых, «всякая власть в государстве может исходить только» (130—131) от этого объединения и подчиняется последнему (см. 338, 479). Отмеченная корпорация руководит на своей территории остальными союзами (см. 479). Причем государственная власть — высшая (см. 130), или «безапелляционная» (320) в том понимании, что предполагает «способность принуждать» людей «к безусловному исполнению» ее «воли... вопреки» (см. 130) велениям иных ассоциаций, равно как и отдельных лиц.

Во-вторых, у государства больше средств влиять на человеческое поведение, чем у других союзов. Любой из них «границу возможного для» себя «самостоятельного проведения» собственных норм «находит» в «свободно подчиняющейся» анализируемому объединению «воле членов» (см. 312) ассоциации. Самое большее, что негосударственная корпорация может сделать «против упорно сопротивляющегося ее велениям» (313) человека, — это «исключение» (312) такого индивида из союза. Государство же способно не только удерживать неповинующееся лицо в своих пределах (см. 313), но и в состоянии разнообразными способами воздействовать на этого субъекта вплоть «до полного уничтожения личности в форме наказания» (310).

Полномочиями по господству государственная организация способна наделять существующую в ней ассоциацию. Скажем, таковые может получить «коммунальный союз» (287) как территориальная корпорация. Но во всех подобного рода ситуациях государство обладает господствующей властью «первичной» (132) или «начальной» (313), а иные союзы — только «деривативной» (131), т. е. «производной» (313). И указанное положение «практически доказывается» очевидным фактом: «повсюду» именно государственная

организация «предоставляет или лишает подчиненные» ей «союзы прав господства» (см. 315).

Это и неудивительно. Государство «по самому своему существу» не в состоянии «признать» на собственной территории «самостоятельную господствующую власть», противостоящую рассматриваемому объединению в качестве «непреодолимой границы» (см. 314) его полномочий.

Государственная организация выступает и территориальной корпорацией, где действует принцип «непроницаемости». Он гласит: на той или иной конкретной «территории может развить свою власть только одно государство». Так обстоят дела в силу двух факторов. Прежде всего «только эта пространственная... исключительность» дает государству «возможность совершенного осуществления» его целей. Вдобавок «между несколькими независимыми друг от друга» государственными организациями «на одной... территории была бы неизбежна постоянная борьба не только вследствие противоположности интересов, но уже потому, что невозможно было бы избежать пререканий о компетенции, для разрешения которых не существовало бы никакого судьи» (см. 287).

По учению Г. Еллинека, государство как обладающая первичной господствующей властью территориальная корпорация (см. 131, 133) включает немало элементов (см. 117, 126, 128—129, 316). Например, сюда относится право, представляющее собой совокупность «норм» (350), исходящих от отмеченной ассоциации. Право — «существенный элемент» (117) государственной организации. Вот почему ненаучным «следует признать учение о государстве, пренебрегающее» (316) правом данного сообщества.

Из всех элементов исследуемого союза «принципиально необходимыми... являются... территория... народ» (479), или «население» (480), и сама «государственная власть» (479), идея которой «уже включает в себе... понятие правового порядка» (316). Причем упомянутое единство государства, выступающее особенностью этого объединения, обнаруживается также на уровне

только что выделенных трех элементов. Каждый из них, подобно самой государственной организации, «неделим» (см. 292).

Понимание приведенного факта возникло сначала применительно к территории. Некогда «государства делились по наследству, и такое разделение признано было вредным, а затем и недопустимым» (см. 292). В последующем сложились идеи о единстве государственной власти, равно как и народа.

Что касается территории государства, то это есть «пространственно ограниченная область» его «исключительного властвования» (130). В указанной сфере руководящей структуре, не подчиненной отмеченной корпорации, «запрещено осуществлять свое господство без прямого разрешения» (286) последней. Не случайно постоянно живущие в государственной организации люди, которые уехали на некоторое время из ее пределов, в период своего отсутствия «не подчинены» упомянутому объединению «в той же мере» (см. 130), как воздержавшиеся от такого шага. Выделенное исключительное властвование обнаруживается и в другом факте. «Какие бы территориальные союзы ни существовали в пределах государства, территория их всегда является... государственной» (479).

Господство над людьми в рамках рассматриваемой области исключительного властвования оказывается возможным в силу того, что человеческие индивиды обитают оседло. Вот почему, по выражению Г. Еллинека, территория выступает «пространственным основанием для осуществления» (289) государственной власти над ними. Сама же «оседлость делается признаком... государства» (287).

Совершенно «отрешенной» (128) от людей территория быть не может. Так обстоят дела и при отсутствии на ней постоянных жителей. Ведь в подобных обстоятельствах «незаселенная территория является всегда возможною сферой осуществления государственной власти» (292). И эта реализация по отношению к лицам, временно находящимся в указанном регионе, не отличается от происходящей в постоянно обитаемой области.

«Веления государства должны осуществляться» на его территории. Названные предписания призваны «обеспечивать данное состояние» рассматриваемого пространства, «вызывать» здесь необходимые изменения. «В этом смысле можно говорить о территории как объекте государственного господства» (см. 289).

Оно применительно к упомянутой области во всех случаях является опосредованным. «Государство никогда не может господствовать» над «территорией непосредственно, помимо» (см. 289) людей. Причина очевидна. В данной ситуации подразумевается присущая государственной организации «власть повелевать». Приказывать же возможно «только» человеческим индивидам. Отсюда территория в состоянии быть объектом анализируемого господства лишь постольку, поскольку государство повелевает «людям воздействовать на нее известным образом» (см. 290). Иными словами, «не может существовать... территориального верховенства» государственной организации, «отдельного» от власти «над лицами» (см. 291).

Господство такой корпорации предполагает обеспечение «неприкосновенности» обсуждаемой области исключительного властвования от любых посягательств извне со стороны отдельных людей либо организаций, в том числе государств. И, как писал Г. Еллинек, «при осуществлении в этом направлении территориального верховенства речь идет... не о праве запрещать чужие действия, аналогичном соответствующему» полномочию «собственника, а о притязаниях» иного рода. «Бытие самого государства, а не обладание принадлежащей ему вещью, порождает» необходимость для указанного объединения отстаивать свою «территориальную неприкосновенность» (см. 289). Так что нарушение последней есть посягательство именно на государственную организацию, а не на какую-либо собственность упомянутой ассоциации.

Человеческие индивиды, в ней живущие, образуют население (см. 295). При этом «количество необходимых для государства людей может быть... бесконечно разнообразным — от нескольких... сотен до многих миллионов» (60).

По словам Г. Еллинека, «в силу своего человеческого элемента» государственная организация выступает «социально-массовым явлением». Здесь «представлены» (см. 60) общественные (см. 568), равно как и «все естественные различия между людьми». В частности, государство «есть постоянное, не ограниченное одним поколением учреждение. Колония ссыльных мужчин, предоставленная самой себе на необитаемом острове», не «может быть признана» (см. 60) государственной организацией.

Функционирование этой корпорации «определяют», помимо социальных характеристик людей, «естественные свойства», равно как и «расположение на местности, а также количество» народа. «Редкое или густое, недостаточное или избыточное население, распределение его по возрасту и полу, продолжительность жизни, смертность — все это факты, оказывающие влияние на судьбы государств» (см. 61).

Объединяют человеческих индивидов в народ разные факторы. Из них решающим является право, общее для всех этих людей (см. 310). Так, в результате правового регулирования «члены существующих в государстве союзов суть в то же время его подданные» (479).

Но и другие обстоятельства вносят в единство населения свой вклад. Скажем, без самого существования человеческих индивидов в пределах конкретной местности и в известный период времени спланирование отмеченных лиц в народ немыслимо (см. 128).

Этого же рода фактором выступает биологическое родство людей. Как отмечал Г. Еллинек, «народ представляется... единством», ибо «он возникает... каузальным путем происхождения». Правда, «при образовании новых государств или расширении территории» уже существующих подобных сообществ только что приведенный «фактор либо отпадает, либо значение его уменьшается». Впрочем, «это в меньших размерах происходит и при нормальных обстоятельствах вследствие эмиграции или иммиграции» (см. 128).

Присутствующие в государстве люди выполняют две «функции» — властвования в данной ассоциации, а также подчинения указанному господству.

Причем вторую реализуют находящиеся здесь человеческие индивидуумы без какого-либо исключения, т.е. как «вся совокупность участников государственного общения». По выражению Г. Еллинека, лишь «в этом смысле... слово «народ» приобретает юридическое значение» (см. 295).

Индивидов же, уполномоченных осуществлять государственную власть, во многих случаях меньше. Например, на ряде этапов политической эволюции из взрослых разумных людей, взаимодействующих в государстве, такую роль обычно не были способны реализовать «иностранцы» (532).

Да и иных социальных групп, подчиненных государственной организации, однако не властвующих в ней, история знает немало. Например, сюда относятся индивиды, лишенные «покровительства закона... в древнегерманском праве» (309).

Между прочим, даже «в силу самой идеи демократической республики отнюдь не необходимо... чтобы политическими правами пользовались все» ее «жители» (см. 531—532). Эти полномочия здесь «должны принадлежать только членам государства». Не случайно «нередко высказывавшееся» суждение, согласно которому «античные демократии вследствие» наличия «в них политически бесправных масс рабов были аристократиями, представляется... неправильным... Точно так же рабовладельческие штаты» США не являлись «аристократиями в правовом смысле» (см. 532).

Другое дело, что государственная организация невозможна без коллектива обладателей ее власти в составе населения

(см. 296, 308). Выражаясь иначе, такие господствующие люди «должны быть членами народного общения... Толпа рабов — т.е., юридически, вещей, — объединенная только общим владельцем, не образует государства» (308).

Способные властвовать в нем индивидуумы не равны по своим полномочиям (см. 305—309). Скажем, подчас выделяются люди, имеющие возможность быть введенными в некоторые высшие руководящие структуры этого сообщества (см. 308) и лишенные таковой (см. 308—310). При этом в «современной» для начала XX в. государственной организации в результате «разви-

тия... культуры» (см. 297) утвердилось следующее положение. Любой человек выступает хотя бы в минимальной степени властвующим по отношению к рассматриваемой ассоциации (см. 305). Речь идет о признании его «лицом», т.е. «обладающим сферой публичных прав индивидом» (см. 297).

По взглядам Г. Еллинека, государственная власть как элемент анализируемой корпорации имеет ряд свойств. В частности, к ним относится суверенитет.

Это свойство вытекает из специфики государства по сравнению с другими союзами (см. 333—334). В отличие от остальных корпораций государственная организация функционирует таким образом, что никому не подчиняется, если не желает. Отсюда ее власть оказывается одновременно «независимой и верховной... Первый признак проявляется преимущественно вовне, в сношениях... государства» (317) за пределами территории отмеченного союза. Второй — в ее границах. Причем «оба признака неразрывно связаны» (см. 347) и характеризуют государственную власть в качестве обладающей суверенитетом.

Однако ее рассматриваемое свойство имеет и другие проявления, нередко по-разному описываемые учеными. Например, существует мнение, что «суверенитет должен означать также неограниченную и не могущую быть ограниченной власть вообще». В самом деле, согласно характеризующей теоретической позиции указанное господство «абсолютно», ибо «никто» не в состоянии его «умалить» (см. 347), включая само государство.

Правда, приверженцами излагаемого воззрения признаются «фактические» и «этические» (см. 348) ограничения государственной власти (см. также 352). Отрицаются же лишь «правовые» ее пределы. По словам Г. Еллинека, здесь подразумевается следующее: «если государство и не осуществляет никогда всего», что для этого союза «юридически возможно, то все же не существует ничего такого, что для» анализируемой корпорации или союза «было бы юридически невозможно» (см. 348).

Приведенная точка зрения, полагал он, исходит из верной предпосылки. Действительно, «суверенитет есть правовое понятие» (348), ибо обсуждаемое

свойство государственной власти проявляется в ее «способности» к «самоопределению... путем установления правопорядка». И, безусловно, при этом господство государства безгранично «в том смысле, что... юридически» никто «не может воспрепятствовать» отмеченному объединению формулировать нормы права. Но во всех иных отношениях государственная власть не характеризуется «всемогуществом» (см. 352) при осуществлении правового регулирования.

Ее суверенитет «несовместим, правда, с абсолютными» юридическими «ограничениями. От всякой поставленной им самому себе границы государство может себя освободить, но только в формах права и создавая новые границы. Не то или другое отдельное ограничение, а самый факт ограниченности есть нечто постоянное. Как не существует абсолютно ограниченного, так не существует юридически и абсолютно неограниченного... государства» (см. 352).

Это объясняется просто. Формулируя правовые нормы, «государство юридически... обязывает и... лиц, которые служат его органами, сообразовать их волю с велениями» упомянутых правил. Вместе с тем «так как воля органа есть воля государства», последнее, «обязывая свои органы, связывает само себя». Не случайно, по выражению Р. Иеринга, «право в... полном значении слова» предполагает «самоподчинение государственной власти закону, исходящему от нее самой» (см. 349).

Выделенное «самоограничение не представляется произвольным». Ведь наличие «его не зависит от усмотрения» (см. 281) государственной власти.

Притом «в акте правосозидания... государство принимает по отношению к подданным обязанность... осуществлять» (270) сформулированные юридические правила. Таким образом, указанные лица получают «гарантию», что именно действующее право станет «основанием» выносимых относительно них решений суверенной власти (см. 269).

Иными словами, «всякая» сформулированная в государстве юридическая «норма» имеет неременный результат. Она «дает» подданным «право ожи-

дать» (см. 269): рассматриваемое правило «ненарушимо будет применяться до тех пор, пока не» окажется правомерно отмененным. Вытекающей отсюда «уверенностью в ненарушимости правопорядка в значительной мере обусловливается необходимая для каждого отдельного лица» из отмеченной категории «возможность» предвидеть «свои действия и их последствия» (см. 270).

Суверенная власть связана не одними внутригосударственными юридическими нормами. Ведь и международное право действует для любого государства в том объеме, в каком представляет собой установления власти указанного союза. Вот почему таковая применительно к ним остается подчиненной «только своей собственной воле» (350).

Между прочим, именно выделенным «путём возможно юридически обосновать международное право» (350) как нормы, исходящие от государственной власти. Однако здесь более уместен другой логический вывод Г. Еллинека из рассуждения в предшествующих абзацах. «Признавая международное право и предпринимая на основании этого признания определенные связывающие его действия, государство в силу своей правовой власти ограничивает само себя» (354).

Понятие суверенитета имеет «чисто формальный характер» (354). Оно «не определяет содержания... границ, которые» государственная власть «себе ставит», а также «процесса установления» (см. 352) указанных пределов, и в рассматриваемом отношении дает возможность понять лишь одну вещь. «Всякая выраженная в» юридических «формах воля государства приобретает силу права» (см. 353).

Причем суверенитет не поддается увеличению, ибо «логически представляет превосходную степень», не способен к «раздроблению и терпит рядом с собою только однородные величины того же вида». Могут функционировать бок о бок «много суверенных государств, но отнюдь не в качестве носителей одной... государственной власти. Не существует... суверенитета разделенно-

го, фрагментарного, уменьшенного, ограниченного, относительного» (см. 364).

Государство в состоянии — «в пределах установленных или признанных им самим правовых границ — совершенно свободно нормировать содержание своей компетенции» (363). Но всякое отмеченное объединение в любой исторический период имеет вполне определенную совокупность властных полномочий по осуществлению правового регулирования (см. 353— 354).

Разумеется, соответствующая государственная власть способна увеличить количество таковых и придать каждому больший объем. Однако, пока это не осуществлено, «то, что государство может приобрести путем возможного расширения» собственной «компетенции, относится не к его правовой сфере» (см. 353). И в данном факте находит одно из конкретных проявлений упомянутая относительная ограниченность возможностей государственной власти в юридическом отношении, которая охватывается понятием суверенитета.

Предполагаемые последним независимость государства от любых ассоциаций и индивидов вне территории анализируемого союза, а также господство этого объединения внутри отмеченного пространства являются именно правовыми, а не иными. В частности, применительно к положению страны в международном взаимодействии суверенитет не противоречит «широкой политической зависимости» (551). В случае наличия выделенной несамостоятельности у конкретного участника такого общения он выступает суверенным, т. е. в качестве государства, когда сохраняет «исключительное правовое господство» (553) над своими территорией и населением, несмотря на подверженность неюридическому влиянию от внешних сил.

По представлениям Г. Еллинека, слагающейся из названных элементов определенной государственной организации необходимо «занимать... место в самом праве» данного сообщества. Иными словами, «должно существовать правовое понятие государства» (см. 117). Причем «возможна троякого рода

юридическая конструкция» указанной ассоциации. Государство есть либо «правоотношение», либо «объект», либо, наконец, «субъект права» (см. 119). Первое из приведенных определений некорректно уже потому, что «правоотношения не могут иметь прав и обязанностей». Государства же ими обладают. Вдобавок правоотношения не способны «объявлять войны и заключать договоры» (см. 122), а государственные организации это делают.

Вторая дефиниция ошибочна по двум причинам. Прежде всего «всякий объект права предполагает субъекта», которым «могут быть... руководящие государством люди». В результате при анализируемом определении государственная организация «разрывается» и ей «противопоставляется один из... существенных элементов» этой целостности. К тому же рассматриваемая дефиниция «несовместима» с очевидным фактом. Речь идет о признании «государством подданных субъектами права» (см. 119).

Остается, таким образом, только третье юридическое определение государственной организации из отмеченных. Ее дефиниция «как правового субъекта» (122) является удовлетворительной, по крайней мере, в силу двух обстоятельств. Во-первых, «если государство есть союз, представляющий коллективное единство», то подобного рода образования «не менее способны быть субъектами права, чем человеческие индивиды» (см. 123). Во-вторых, это определение позволяет «юридически» отразить «единство» государственной «организации и порождаемой ею воли» (см. 124), совместимое «с самостоятельностью... членов» (125) рассматриваемого объединения.

Отсюда государство может быть описано в правовых нормативных актах «только как субъект права» (132). Причем, выражаясь «точнее» (125), это объединение «должно быть подведено под понятие корпорации» (132). Правда, «государство самым различным образом индивидуализируется» (209) на практике. Вот почему возможны неодинаковые формулировки его понятия в разных системах права.

Что касается терминов для обозначения государственной организации, то их, отмечал Г. Еллинек, имеется немало (см. 93—97, 228). Самое распространен-

ное наименование, применяемое с такой целью в XX в., возникло в эпоху Возрождения на Апеннинском полуострове. Здесь «из имевшего многочисленные значения слова *stato*, первоначально присоединяемого к названию города (*stato di Firenze* и т. д.), образуется затем совершенно отвлеченный термин». Он «в начале XVI столетия» в пределах территории нынешней Италии «является уже общепризнанным... для обозначения всякого государства». Причем в течение этого и следующего веков выделенное наименование «проникает» во многие западноевропейские страны, утверждаясь как норма для соответствующих языков (см. 95). Скажем, «в Англии уже Шекспир» по отношению к государству «часто употребляет слово *state*» (см. 96).

В качестве синонимов рядом с ним используются и другие термины. Например, «в Америке принято» называть «государство... *body politic*» (см. 122), или политическим телом. Повсеместно оно нередко именуется и «державою», когда взаимодействует с подобными объединениями. Кроме того, для обозначения государства употребляется слово «народ», интегрированное, например, в «изобретенный Бентамом термин» «международное право». Впрочем, заметил Г. Еллинек, так называть совокупность норм, регулирующих общение существующих в мире стран, «неточно... Вернее было бы... говорить о межгосударственном праве. Но терминология не всегда следует логике» (см. 97).

Согласно его взглядам, «в научном отношении» для обозначения государства «ни один термин не представляет таких удобств» (см. 97), как тот, который в итальянском языке представлен словом *stato*, во французском — «*estate*» (95), а в английском — *state*. Причина проста. Это название «настолько уже отвлеченное, что с ним не связываются более какие-либо побочные представления, которые делали бы его двусмысленным и потому неудобным» (97).

В отношении перечисленных языков с Г. Еллинеком следует согласиться. Однако в русском налицо иная ситуация. Здесь слово «государство» лишено отмеченного достоинства приведенных итальянского, французского и английского терминов. В самом деле, по-русски «государь» есть глава монар-

хического правления, царь (см.: Словарь русского языка в четырех томах / редкол. С. Г. Бархударов и др. М., 1957. Т. 1. С. 455; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 83). Поэтому слово «государство» неизбежно может быть понято как царство или монархия.

1.2. О методологии исследования политико-юридических явлений

По мнению Г. Еллинека, «должны быть различаемы государственные науки в широком смысле, обнимающие и все правоведение» (5). Они, во-первых, устанавливают соответствующие феномены, во-вторых, «выясняют законы... взаимной связи» таковых, в-третьих, «применяют» выявленные закономерности «к практическим целям» (6).

Для реализации этих задач науки применительно к каждому отдельному политико-юридическому явлению нужно исходить из следующего методологического принципа. «Единичное может быть понято лишь в связи с тем целым, в состав которого оно входит» (8). Причем необходимо иметь в виду очевидное обстоятельство. «Единичный объект связан со всей совокупностью» остальных феноменов, куда включены и политико-юридические. Следовательно, «совершенное объяснение его возможно лишь из этой... связи» (см. 52).

Правда, выделенное понимание «является... и всегда будет идеалом, к достижению которого» нельзя «даже приблизиться». Ведь «бесконечность ряда причинностей, создающих единичное... не уменьшается для науки вследствие выяснения отдельных членов» (см. 52) упомянутой последовательности.

При этом в истории политико-юридического познания авторы конкретных воззрений, шедшие по отмеченному пути, нередко пытались достичь победы «над прежде господствовавшими» представлениями посредством особого приема. Выявленная ученым до тех пор неведомая или оставлявшаяся без внимания причина известного феномена объявлялась им единственной. Например, концепции, согласно которой «право есть продукт моральных

идей», противопоставлялась теория о том, что оно «исключительно результат классовой борьбы» (см. 68).

Указанным образом поступать нельзя. «Каждое социальное явление имеет бесконечно много причин». Отрицание приведенного положения суть «методологическая ошибка». В рассмотренном случае она «заключается... не в утверждении, что при результате x , вытекающем из причин $a, b, c, cl...$ a есть причинах», а в заявлении иного содержания: «Причиною служит только a » (см. 68).

Выявление внешних связей любого политико-юридического феномена не может быть бесконечным. Исследователю нужно где-то остановиться, тем самым обособив определенную часть действительности, куда входит познаваемый объект (см. 52). Без этого немыслимо «достигнуть плодотворных результатов» (72).

Однако познающему лицу, так поступающему, разумеется, нельзя не учитывать простую истину: «Всякое научное обособление уже как таковое страдает... определенными недостатками», ибо «разум обособляет здесь то, что в жизни проявляется в неразрывном единстве». Устранить их возможно, если «непрерывно исправлять» выводы, достигнутые в итоге предпринятого вычленения, посредством «установления связи между теоретически» изолированными «явлениями и... областями, к которым они принадлежат» (см. 23).

Выделенную для познания часть реальности, где находится изучаемый политико-юридический феномен, сначала, конечно, необходимо подвергнуть наблюдению. Именно таким путем она «как эмпирически данная», по словам Г. Еллинека, должна быть положена «в основу... науки» (см. 113).

Далее в рассматриваемой обособленной области действительности нужно сравнивать исследуемый объект с остальными (см. 27—28). Этот метод познания следует применять как в пределах всей существующей здесь совокупности феноменов, так и в рамках ее разных частей.

В результате будут выявлены «общие» (24), или «типичные» (27), черты отдельных групп явлений. На данной основе надлежит сформулировать систе-

му понятий, которые, как верно заметил Г. Еллинек, «никогда нельзя видеть» (406), ибо они существуют «в голове исследователя» (27). Причем разница в содержании отмеченных категорий определяется двумя обстоятельствами, к сожалению, не выделенными в анализируемой теории. Первое представляет собой состав совокупности феноменов, из которой абстрагировано понятие. Второе есть специфика общего для указанных явлений, в категории зафиксированного.

Каждый элемент в упомянутой системе понятий выполняет собственную необходимую функцию в познании. Г. Еллинек выразил приведенную идею образно. «Чем шире становятся понятия, тем больше приходится пренебрегать деталями. Кто с вершины горы обзревает ландшафт... правда, видит вдали то, что оставалось недоступным его взору в долине, но стебли травы на лугу ему не видны. Стебель травы, несомненно, достоин самого тщательного изучения, но вокруг него лежит бесконечный мир», где должно «ориентироваться» и «который совершенно исчезает с поля зрения, если смотреть в микроскоп» (см. 30).

При пренебрежении любой категорией из выделенной системы исследование неизбежно станет ущербным. В частности, безусловно, имеют место негативные последствия для результативности познания, когда изучающие «стараятся, как-нибудь наскоро коснувшись основных понятий, затем уже сосредоточить преимущественное внимание на» выявлении «деталей». Причины далеко искать не приходится. Поскольку «такое исследование во многих важных пунктах основано на дедукции из этих пренебрегаемых наукой» общих категорий, «то неизбежны грубые, тормозящие» познание «ошибки» (см. 20).

Общее для любой группы феноменов не исчерпывает содержания каждого из них. Здесь присутствует ещё и индивидуальное. Вот почему, писал Г. Еллинек, «отдельное явление... никогда не должно быть рассматриваемо как простое осуществление чего-то общего, проявляющегося в нем в чистом виде» (23). И тот исследователь, который при познании ряда феноменов останавли-

вается на присущем им типичном и отсюда делает вывод о любом из этих объектов, не утруждая себя постижением индивидуальных особенностей такового, поступает неверно.

Между прочим, «все социальные, национальные, религиозные предрассудки являются результатом» подобного «мышления». Ведь для него характерно, что познающее лицо, скажем, по чертам, тождественным для всей нации, заключает об отдельном представителе указанной социальной общности, не исследовав индивидуальности своего предмета изучения (см. 27).

По представлениям Г. Еллинека, познавательная деятельность, включая сведение многообразия феноменов «к единству» (30) посредством установления здесь типичного, осуществляется именно для постижения этого множества без каких-либо изъятий. Отсюда она предполагает также выявление специфики всякого из указанных явлений. Причем «путем выяснения типических элементов познаются... и индивидуальные особенности каждого отдельного» объекта изучения «как не заключающийся в типе остаток его свойств» (см. 31).

Когда имеющаяся совокупность феноменов уменьшается или сюда добавляются новые, общее для изменившегося таким образом множества модифицируется. Иными словами, в ходе этих процессов «типичные элементы пробируют себе путь повсюду рядом с индивидуальными, преобразуясь соответственно последним» (27). Отмеченную закономерность Г. Еллинек именует «изменчивостью типа... на будущее» (29).

Она, в частности, подразумевает, что при верной типологии вся действительность разбивается на части, соответствующие созданным для ее обозначения понятиям. Вот почему более позднее «установление» исследователями «смешанных форм» свидетельствует о вполне определенной вещи. «Сами не-смешанные формы... не могут... отразить действительность во всей ее полноте» (см. 494).

Поясняя только что приведенные положения Г. Еллинека, возможно заметить следующее. Смешанный тип в научном познании возникает после того, как

обнаружена новая реальность, которая не может быть отнесена к ранее установленным категориям и неминуемо обозначается как их смешение.

В данной ситуации всю изменившуюся совокупность явлений следует снова дифференцировать на части с определенными наименованиями. В итоге до нового шага в познании смешанных типов не будет. Когда же указанное продвижение вперед окажется фактом, они снова появятся. И это приведет к еще одной классификации обновившейся действительности. Так что, имея в виду описанную закономерность, нужно согласиться с мнением Г. Еллинека: по видимому, в познании «никогда нельзя будет обойтись совершенно без такого рода смешанных категорий» (494).

Обязательна для рассматриваемого процесса, в том числе применительно к постижению государства и права, и ещё одна вещь. Речь идет об использовании здесь исторического метода исследования. Не случайно всякое существующее политико-юридическое явление невозможно понять, если не выяснить его возникновение и последующую эволюцию до настоящего времени (см. 31—32).

Правда, при познании государств и систем права, функционирующих в любую конкретную эпоху, с имеющимися фактами об их прошлом «едва возможно совладать. Даже исследование, посвященное какой-либо отдельной специальной проблеме, рискует быть подавленным количеством подготовительной исторической работы» (32).

В этих условиях, полагал Г. Еллинек, ложно утверждение, согласно которому успешное «изучение существующего возможно только при совершенно свободном от пробелов познании прошлого» (32). Так обстоят дела в силу двух обстоятельств. Прежде всего «история всегда фрагментарна. Требовать, чтобы научное познание было основано на всем историческом прошлом, значит желать невозможного» (18).

Вдобавок анализируемый «метод исследования основан на убеждении, что история должна выяснить... не простую... смену явлений, а их» развитие. Для

политико-юридического познания «исторические явления распадаются по этому на... имеющие научное значение и лишенные такового» (см. 32).

По концепции Г. Еллинека, развитием «являются только... изменения», ведущие «от простого к сложному». Здесь имеются в виду «увеличивающиеся многосторонность и продуктивность учреждения» (см. 32) как «суммы планомерно согласованных актов человеческой воли» (38), а также не только сохранение, но и «усложнение» его «первоначальной цели» (см. 36).

В соответствии с обсуждаемой теорией «юридические и государственные учреждения нередко меняются... не развиваясь... и даже регрессируя» (32). Но «лишь с... момента, когда впервые проявляются... современные цели» всякого подобного познаваемого объекта, «когда зарождается таким образом живая связь с настоящим, начинается его развитие, лучшему пониманию которого учит... история. То, что предшествует этому... не содействует... научному выяснению настоящего» (см. 34).

Исторические изменения, отличающиеся от развития существующих учреждений, «служат... для понимания прошлого». Они относятся в рассматриваемой «области к юридическим и государственным древностям, а не к истории права и государства» (см. 34).

Итак, по взглядам Г. Еллинека, «с прагматической точки зрения объяснения живых учреждений из исторического материала выделяется значительная часть», являющаяся «мертвым балластом, но не движущей вперед силой» (см. 34—35). Естественно, что такая информация, бесполезная для установления развития современных политико-юридических феноменов, не должна изучаться их исследователями, использующими анализируемый метод научного познания.

В основе приведенного вывода лежит очевидная идея. Конкретное учреждение создается для реализации определенных целей. В случае их замены другими указанная структура перестает существовать (см. 32, 34).

Как считал Г. Еллинек, исходя из этого теоретического положения, возможно верно оценить «два резко расходящихся воззрения», издавна противостоящие

друг другу в истории государства и права. «Первое... настаивает на сознательном первоначальном создании государства» и «права». Второе «усматривает» в отмеченном «процессе естественное явление, управляемое высшими, непоколебимо противостоящими индивиду силами» (см. 35).

Оба выделенных «воззрения неправильны», хотя причины их ошибочности различны. Скажем, приверженцы второго, «настаивая на естественном происхождении государства и права, будь то из мистического народного духа или под воздействием слепых стихийных сил», упускают из виду простой факт. «Ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека» (см. 35). Сторонники же первого воззрения, являющиеся выразителями естественно-правовой доктрины, не понимают другого. «Раз выработанные учреждения... постепенно меняют свои цели... нередко совершенно вытесняя... прежние». Отсюда «возникают... учреждения, о которых и не думала предыдущая эпоха. Созданное сознанием далеко выходит... за пределы создавшего его сознания, и... в этом смысле правильно утверждение, что государство и право в их основах не суть продукты сознательной деятельности человека» (см. 36).

Согласно мнению Г. Еллинека, верная теоретическая позиция по рассматриваемому вопросу сводится к следующему. Создание государства и права «есть бессознательный и в то же время... совершающийся при свете сознания процесс» (36).

Данная позиция подтверждается очевидными обстоятельствами. «Результаты исторического акта, для его участников строго телеологически детерминированного», в состоянии «выйти за пределы доступного человеку предвидения». Более того, «ни один волевой акт не вызывает во внешнем мире изменения, которые могли бы быть предусмотрены полностью, и является поэтому одновременно разумной и неразумной естественной силой». Как известно, «благочестивые богомольцы благоговейно целуют изображение святого, но это целование в течение столетий стоило пальца знаменитому созданию Микеланджело в соборе св. Петра» (см. 37—38).

По обсуждаемому учению в исследовании политико-правовых явлений полезен и юридический метод познания. Правда, он применим только к праву как «одной из... сторон государства» (9; см. также 54). Ведь «юрист со своим методом может познать» в выделенных феноменах «лишь то, что имеет юридическую природу» (54).

Впрочем, использование этого способа исследования должно дополнять применение к праву уже охарактеризованных методов, обеспечивающих «всестороннее изучение государства», кроме, конечно, постижения упомянутого явления как правового. Отсюда их принципам нужно следовать при осуществлении юридического метода (см. 10).

Рассматриваемый способ исследования включает два направления познавательных усилий. Первое есть постижение «исходящих от государства» правовых «норм». Второе — изучение «отношения... явлений государственной жизни к этим» (см. 99) правилам.

При продвижении исследовательской работы по отмеченным направлениям следует руководствоваться рядом идей. Во-первых, «всякое преобразование и прогрессивное развитие права исходит прежде всего из познания того, что находится вне» (24) юридических норм.

Во-вторых, исследователь должен «постоянно иметь в виду реальную политическую жизнь» (15) и, в частности, цели, стоящие перед изучаемым государством, а также пути их достижения (см. 11 — 12). В противном случае «формальная логика» системы действующих юридических правил «легко может привести» познающего «к созданию государственно-правовых картин, совершенно не отвечающих действительности». Например, в начале XX в. «запрещение, наложенное на правление кабинета в Англии», совмещалось с «противоположной практикой» (см. 13).

В-третьих, «ни одно исследование в области права не может дать плодотворных результатов, если оно не считается с тем, что» является «политически возможным» (см. 13). Скажем, «праздным представляется» изучение «вопроса... о возможности войны между государствами» (см. 14), главами которых

выступает один монарх. В самом деле, «противоречило бы здравому смыслу, чтобы» указанный властитель «вел» военные действия «против самого себя, хотя бы и в качестве носителя другой короны» (см. 557).

В-четвертых, «научная критика не должна подчиняться тексту» формальных источников права, излагающих юридические нормы. Так, «под влиянием естественно-правовых идей в конституции проникло положение, что вся государственная власть принадлежит одному органу, по одним конституциям народу, по другим — монарху. Но эти» представления «имеют... теоретический характер. Истинность их подлежит научной критике подобно тому, как и другие легальные определения были подвергнуты свободному научному анализу и признаны наукою отчасти или совершенно неправильными» (см. 406).

Что касается оценки приведенных конституционных формулировок Г. Еллинеком, то при наличии в конкретной стране совокупности государственных органов «ложно заключение, будто юридически вся государственная власть должна быть сконцентрирована в одном» (405) из названных институтов. Правильным же является другое теоретическое положение. В рамках государства существует «основанное на рационалистических началах разделение компетенций» (614) между его отдельными органами. Притом «каждая» из этих структур «представляет в пределах своей» сферы ведения один и тот же феномен. Здесь имеется в виду «единая... власть» (см. 368) государства.

В-пятых, «действия верховных государственных органов должны быть презюмируемыми правомерными... даже в... случае, если это не совпадает с буквою» правовой нормы из формального источника права высшей юридической силы, «пока никто из имеющих» полномочие «возражения против» упомянутых актов таковым не воспользовался. Например, утверждал Г. Еллинек, «нельзя рассматривать решения» современного ему «германского рейхстага как ряд нарушений конституции только потому, что при голосовании депутаты часто присутствуют в меньшем числе, чем... необходимо для законности» подобных постановлений. «Состав рейхстага почитается, напро-

тив, законным, пока противное не констатировано президентом собрания» (см. 14).

В самом деле, когда неуполномоченное соответствующим правом лицо, скажем, научный работник, указывает на неправомерность анализируемых действий высших государственных органов, его поступок не влечет в рассматриваемом государстве никаких юридических последствий. Правовое регулирование здесь продолжает осуществляться в согласии с действующими юридическими нормами, пусть и не со всеми. Так что в этом отношении с логикой Г. Еллинека нельзя не согласиться. Правда, она в данном случае демонстрирует присутствующую в государстве возможность ненасильственного изменения действующих юридических норм вопреки требованиям некоторых из них.

По анализируемой концепции, использование исследователем всех перечисленных методов познания не должно ограничиваться в соответствии с программами тех или иных политических партий, к которым он способен принадлежать. «Кто исследует вопрос научно», отмечал Г. Еллинек, делает это «беспартийно» (см. 78). Причем «абстрактная норма стремиться к общему благу, как ни очевидно связана с самой сущностью всякой государственной деятельности, не может, однако, по своей неопределенности служить прочным критерием политической деятельности в каждом отдельном случае» (430). При познании рассматриваемое правило должно быть дополнено конкретизирующими его показателями направленности усилий суверенной власти к приведенной цели. Лишь в таком случае результаты постижения государства и права могут быть ценными для политически беспристрастных ученых.

Другое дело, что конкретному исследователю обсуждаемой сферы действительности едва ли возможно всегда рассчитывать на быстрое признание его научных достижений коллегами. Ведь «очень живучи», по крайней мере, «в силу исторической традиции воззрения, которые кажутся уже побежденными» (см. 406).

1.3. О носителе государственной власти

Такового, т.е. носителя, писал Г. Еллинек, выделяло в своих теориях немало исследователей политико-юридических явлений начала XX столетия. В частности, в их работах была сформулирована идея, согласно которой «каждое государство имеет носителя государственной власти, стоящего над органами государства» (см. 406).

Подобное представление ошибочно. «Носителем государственной власти является государство и никто, кроме него» (406). Осуществляет же последнюю только совокупность органов упомянутой корпорации.

Например, именно указанным образом обстоят дела во всякой «демократической республике». Неверно «называть» здесь «народ... носителем государственной власти». Ведь тем самым этому множеству людей «приписывается» статус, отличный «от действительно занимаемого им положения... органа» (см. 527) государства.

Правда, любой подобного рода союз независимо от характера своего строя, «без сомнения, нуждается» в структуре, дающей «толчок всей государственной деятельности» и принимающей окончательные решения. Как заметил Г. Еллинек, «в каждом государстве необходим такой орган, который» приводит страну «в движение» и выступает «высшим решающим» учреждением, имеющим «власть окончательно санкционировать изменения правопорядка». Ему же принадлежит «право войны и мира» (см. 408) на международной арене.

«В демократии» этими полномочиями обладает народ (см. 408, 429), «в монархии — монарх». Причем «если в какой-нибудь» стране «найдутся два... органа, равноценных друг другу» (см. 408—409) в рассматриваемом отношении, «то неизбежным следствием явилась бы... борьба» (409) упомянутых институтов между собой (см. 454). Она «закончилась бы победой» (409) одной из отмеченных структур (см. 454) «или уничтожением государства». Примером способен служить «опыт римского двоевластия» (см. 409). Иными словами, «всякая жизнь может исходить в... государстве только из одного цен-

тра. Если бы в таком живом единстве, каким является государство, можно было создать несколько таких равносильных центров, то конечным результатом этого была бы постоянная анархия» (505).

1.4. О движущих силах развития государственной организации

По представлениям Г. Еллинека, «необозримый и потому никогда не могущий быть изученным полностью ряд... фактов и причин создает конкретную жизнь отдельного государства и вместе с тем государство вообще. Уже в силу одного этого» нужно «отвергнуть все... учения, которые из... неисчислимых... причин выбирают одну или несколько, чтобы выставить их единственными движущими силами развития» (67—68) государственной организации. В частности, «громадное влияние на» указанный процесс «оказывают технические изобретения». Так, появление телеграфа «в корне» изменило «дипломатическую практику». Оно сделало «возможным беспрекословное подчинение» дипломатов «непосредственным указаниям» своих «правительств, тогда как прежде вследствие медленности корреспонденции часто невозможно было избежать самостоятельных выступлений послов, которые могли оказывать иногда решающее влияние на политику их государств» (см. 73).

1.5. О целях государственной организации

По учению Г. Еллинека, отмеченные ориентиры (т.е. цели) «служат критерием для оценки существующих отношений, признаваемых, соответственно» такой оценке, «подлежащими» сохранению, «отмене или преобразованию». Иными словами, «государство связано своими» (см. 174) целями. «Первой и ближайшей» из них является «самосохранение» (186), если, конечно, невозможно заменить государственную организацию лучшей. Это выживание предполагает «попечение» государства «о... жизненных целях» его «народа... поскольку последние не могут быть удовлетворены собствен-

ными силами соответственных лиц» (см. 181), но должны реализоваться для продолжения существования рассматриваемого союза.

«Необходимость» обеспечивать самосохранение государственной организации «всегда остается» здесь «регулятором политической деятельности» (см. 173), когда нет шансов создать вместо указанного объединения более эффективное. Не случайно в таких обстоятельствах государство «никогда не может быть правомерно разрушено по усмотрению его членов. Политическое самоубийство не есть юридическая категория» (568). Причем нужда в самосохранении указывает «не столько на то, что должно совершаться, сколько на то, что должно быть отвергнуто» (173).

Между прочим, достижение анализируемой цели несовместимо с «теорией правового государства в чистом виде», согласно которой упомянутое объединение «призвано... только» (см. 180) устанавливать (см. 179) и «осуществлять право». Причина проста. Государственная организация, где реализуется эта концепция, «не может существовать» (см. 180).

1.6. О связи государства и права

По убеждению Г. Еллинека, здесь действует следующая закономерность. «Право не зависит от государства в такой мере, чтобы государство могло освободить себя от самого права. В его власти — как фактической, так и юридической — придать тот или другой характер правопорядку, но не решить вопрос о его существовании» (349).

Вот почему «государство может выбрать себе... устройство, но какой-нибудь правовой строй оно должно иметь» (348). Притом «фактически невозможное никогда не должно быть конструируемо как возможное юридически» (354). Это, в частности, относится к «анархии» (348) в государственной организации (см. 400).

Однако «в... случаях, где соблюдение» определенных юридических правил «грозило бы самому» выживанию государства, для обеспечения самосохра-

нения этого союза необходимо принести в жертву отмеченные правовые нормы. В рассматриваемом отношении государственная организация «стоит выше какого бы то ни было правоположения» (см. 275).

Например, «обязанность верности» международному «договору», по крайней мере, в силу двух обстоятельств «находит... предел... когда ставится на карту... существование одного из соединенных государств». Во-первых, «никто не может быть обязан выше своих возможностей». Во-вторых, «не государство существует для договора, а договор для государства». Не случайно поэтому, по словам О. Бисмарка, «нельзя установить» подобным соглашением «ту меру серьезности... и усилий, с которою» (см. 568) оно будет исполнено при вступлении в противоречие с необходимостью для участников договора обеспечивать собственное выживание.

«Но и в самые смутные эпохи может быть нарушена или совершенно уничтожена только часть государственного правопорядка. Значительнейшая» доля «учреждений» государства «продолжает функционировать и в такие» времена. «Во Франции создали даже в интересах непрерывности права общую категорию для разного рода законных и революционных властителей. Король, император, президент объединяются под термином *chef d'état*, так что каждый» подобный правитель, «власть которого вытекает из какого-либо нового источника, тотчас же вступает во все законные функции своего предшественника, за исключением, конечно, видоизмененных или отмененных новой конституцией» (см. 263).

1.7. О неравенстве людей в государстве

Как отмечал Г. Еллинек, «нет... общественного союза» без «руководящих» и управляемых. И это закономерно. Тот из человеческих индивидов, занимающих подчиненное положение в подобной ассоциации, «кто не обладает достаточными духовными силами, чтобы эмансипировать себя» от власти объединения, «по необходимости остается зависимым» от воли руководящих

здесь лиц, «поскольку он вообще хочет сохранить и развить соответственную сторону своей индивидуальности» (см. 66—67). Причем этого рода подвластных людей очень много.

Иными словами, «неравенства индивидов» даны «самою природою». Вдобавок такие различия, притом «не только, например, в отношениях экономических классов», существуют «и там, где за ними не стоит принудительная власть государства». Отсюда ясно, что государственное господство суверенной власти над подданными «подготовлено» (см. 66) другими социальными связями, основанными на неравенстве.

Правда, «зависимость есть не юридическая», а иного рода «социальная категория. Юридически существуют только отношения подчиненности или равенства, основанные или не основанные на господстве» (552).

При этом «социальные различия индивидов и обусловленные ими» связи «зависимости» в очень многих ситуациях «не могут» вызвать дифференциацию «в правовом положении отдельных лиц» (см. 568). В частности, в противном случае «отпала бы гражданско-правовая независимость большинства людей» (553).

1.8. О естественном праве

Скорее всего, традиционное выделение такового в противоположность позитивным или положительным юридическим нормам как установленным суверенной властью, по крайней мере, в одном смысле является неоправданным. Причина проста. В мире нет ничего, кроме природы. Поэтому все право является природным или естественным.

Следует отметить, что применительно к рассматриваемому вопросу Г. Еллинек не выдвинул только что сформулированную идею. Мыслитель исходил в своих рассуждениях из дифференциации естественного права и позитивных юридических правил.

По словам Г. Еллинека, с модификацией «социальных отношений» естественное право «противопоставляется действующему праву» как «другое, высшее право... призванное осуществлять новые притязания, борющиеся за свое признание». Но «существует и реакционное естественное право». Это есть «притязания на восстановление отношений, отошедших уже в область прошлого» (см. 252).

Не случайно то, что «все революции новейшего времени происходили под знаменем естественного права». Ведь оно «в существе» выступает совокупностью «требований, предъявляемых изменившимся с течением времени обществом или отдельными классами его к правотворческим» (см. 252) учреждениям.

«Но не только благодаря силе» прокладывает «себе путь естественное право. Непосредственное убеждение в действительности его нередко так заметно» запечатлевается «в... воззрениях», что по причине «фактического осуществления при безмолвном признании» естественного права «со стороны господствующих социальных факторов» последнее делается «правом положительным. Если вообще... факт порождает право, то в этих случаях, напротив, представление о праве порождает факт» (см. 252—253).

Выражаясь иначе, «естественно-правовая доктрина содействует легитимации нового порядка, противоречащего существующему государственному строю». При этом «она может... независимо от существенного изменения формы правовых институтов, развить» таковые «в соответствии с определенными целями» (см. 259).

Всего очевиднее «процесс... позитивации естественного права проявляется в истории революционных переворотов». Скажем, «в начале революционного движения во Франции... 23 июня 1789 г., отказывая королю в повиновении и провозглашая себя обладающим учредительной властью национальным собранием, третье сословие верит, что оно стоит на почве права. Инициаторы этого коренного преобразования убеждены, что старая монархия действительно основана на принципе суверенитета народа и что король есть только

исполнитель общей воли. Революционный, не встречающий серьезного противодействия способ» поведения «превращает эту веру в правовую действительность. В высшей степени интересны речи, произнесенные... после ухода короля, — все они исходят из решительно противоречащей положительному государственному праву идеи, что третье сословие имеет законодательную власть, совершенно независимую от короля и даже стоящую над ним» (см. 254).

Вот почему «первая французская Конституция 3 сентября 1791 г. всецело построена на принципе народного суверенитета». Притом «король в общем занимает только... положение», признанное за ним Ж.-Ж. Руссо в его «Общественном договоре» (см. 254).

Нелишне заметить, продолжал Г. Еллинек, что «тенденция мыслить право, к достижению которого» стремятся, «как право уже действующее жива еще» (см. 255) и в начале XX в. «Это видно на примере... социалистического движения и его литературы. Право на достойное человека существование, право на труд, право на весь продукт труда, — все это постулаты социалистического естественного права... и для убежденного социалиста его «экономические основные права»... служат таким же критерием для оценки истинной правомерности существующего порядка, каким для французского радикала» конца XVIII «столетия был его общественный договор» (см. 356).

1.9. О государстве, где господствует закон

В соответствии со взглядами Г. Еллинека, «отдельные государственные акты распадаются по своему содержанию на» три вида. Сюда относятся «законы, административные распоряжения... и судебные решения. Из них» постановления первого и третьего видов «всегда суть акты государственного верховенства. Закон предписывает» юридические правила. «Судебное решение подводит конкретный случай под абстрактную норму и решает его, т.е. силою... авторитета» суверенной власти «устанавливает» эту ситуацию и свя-

занные с последней «правовые последствия» (см. 451). Ведь «отправление правосудия есть государственная функция, целью которой служит защита всего права» (587).

Причем «и в древности, и в новое время нормальное государство определялось как» то, где «господствует закон». В указанном объединении, «таким образом, управление и правосудие отправляются согласно правовым нормам. Формулированная Молем, Шталем и Гнейстом современная теория правового государства не прибавила ни одного нового признака к учению Платона и Аристотеля о государстве», где «господствует закон» (см. 452). Например, «тот принцип... на который» она «заявляет свое исключительное притязание, что всякая относящаяся к индивиду правительственная деятельность должна осуществляться только в силу закона и в пределах его, с полной ясностью соznавался в Греции, и прежде всего в Афинах» (см. 224).

1.10. О компетенции государственных органов

Известно, отмечал Г. Еллинек, что все содержание такой компетенции неверно определять как юридические обязанности соответствующих должностных лиц. В частности, «в деятельности каждого высшего органа есть свободный элемент, который может быть выражен только в форме полномочия» (см. 416). Так, «конституции говорят... о правах монарха, палат, президента республики, народа» (457). Все эти полномочия не выступают в качестве юридических обязанностей упомянутых субъектов права. Скажем, по некоторым конституциям «компетенция монарха включает в себе... право санкции законов» или «решения о том, что должно сделаться правом». Причем отмеченное полномочие не относится к таким, «где обязанность издавать распоряжения установлена» (см. 502) юридическими нормами. Равным образом «глава республиканского государства» не «может быть признан, с точки зрения права, ответственным... за пользование предоставленными ему конституцией правами» (см. 437).

И «чем выше положение органа, чем обширнее круг такого рода» полномочий, «тем сильнее» должно быть у лица, ими наделенного, «чувство ответственности» (см. 416). Правда, последняя является моральной по своей сути (см. 457).

Между прочим, «здесь ясно обнаруживается, что... право теряет под собою почву, если... не может опереться на прочную основу этических убеждений» обладателей «власти» (см. 457). В самом деле, без упомянутого чувства ответственности эффективная реализация чиновником общегосударственных интересов просто немыслима.

Оно «всего глубже и интенсивнее» завладевает человеком, «кто... познал, что огромная власть... принадлежит ему» в качестве «руководящего члена» государства, а «не как частному лицу» (см. 416). Следовательно, всякому государственному служащему надлежит ясно отдавать себе отчет: его индивидуальные права и компетенция учреждения, где указанный субъект работает, — разные предметы. Таковая «не может... быть» личным «правом функционирующих в качестве органа лиц» (см. 413-414).

Это особенно нужно в силу склонности государственных служащих предполагать противоположное. Ведь «верное долгу должностное лицо с психологической необходимостью настолько срастается со своей должностью, что рассматривает... служебные полномочия как... собственное право» (416).

1.11. О правовой безответственности главы государства

Возможность подвергнуть главу государства юридической санкции за правонарушение при реализации на практике влечет за собой, — полагал Г. Еллинек, — нежелательный результат. Глава государства лишается «необходимого атрибута высшего органа» этого союза. Действительно, «судья осуществляет власть по отношению к» (см. 509—510) подлежащему юридической ответственности правонарушителю.

Желание избежать указанного негативного последствия вызвало к жизни в ряде государств специфические правовые нормы. Например, согласно этим правилам в некоторых монархиях применительно к уголовному праву юридическая «безответственность делается существенным элементом понятия монарха» (510).

Правовые нормы упомянутого типа совместимы и с республиканским государственным строем. Так, во Франции по Конституции 22 февраля 1791 года Республики (13 декабря 1790 г.) «возможность привлечения консулов к уголовной ответственности... была совершенно исключена» не только в отношении властных актов, но «даже и за внеслужебные действия» (см. 510).

1.12. О разрешении противоречий

между высшими государственными органами

Как констатировал Г. Еллинек, «в случаях резких конфликтов между законодательной и исполнительной» властями в условиях системы их разделения «все государство» при наличии «известных обстоятельств» может «оказаться осужденным» на «полное бездействие». Подобного рода ситуации «разрешаются не путем установления особой, специально предназначенной для устранения» разногласий между государственными структурами, «нейтральной власти». Указанные состояния преодолеваются «тем, что в борьбе органов один из них проявляет присущую государству полноту единой власти и, вооруженный ею, разрешает столкновение. Перед обнаруживающейся в таких конфликтах суровой политической действительностью бессильны все искусственные теории равенства» (см. 454) законодательных и исполнительных государственных учреждений.

Правда, в условиях представительной демократии имеется «еще одно средство для устранения» подобных «конфликтов». Им может служить сама «краткосрочность... полномочий» (см. 538) высших законодательных и исполнительных учреждений.

1.13. О борьбе со злоупотреблениями структур политической власти

«В античных государствах, — заявлял Г. Еллинек, — главным средством к достижению этой цели считалось разделение государственных функций таким образом, что создавалось множество органов, причем компетенция каждого из них была точно определена». Вдобавок всякая отмеченная властная структура была способна «отменять акты» равного или низшего учреждения, «но не могла ему предписывать таковые» (см. 514).

1.14. О развитии свободы в государстве

По представлениям Г. Еллинека, она, рассматриваемая как «приложение человеческих способностей, не только не встречающее препятствия» со стороны государственных органов, «но и поощряемое ими», модифицируется с течением времени. При этом обнаруживается следующая тенденция. «Размеры такого... приложения, предоставленного индивидууму, быстро увеличиваются» (см. 185).

Для «отдельной личности» здесь имеется в виду возрастание «возможностей действия». Например, современные средства транспорта «неслыханно повысили» способность индивида свободно передвигаться «с места на место. Колоссальные образовательные средства, которые предоставлены человеку для... пользования государством... выработали и расширили знания и умения бесчисленной массы людей. Таким образом, беспрестанно открываются новые области свободы», а вместе с ними и ранее неизвестные сферы «государственной деятельности». И последняя «не в малой степени направлена на урегулирование и охрану» указанной «свободы» (см. 185).

1.15. О заинтересованности государственной организации в прогрессе личности

Совершенствование политически упорядоченного общества как «целого, — отмечал Г. Еллинек, — всегда обусловлено развитием его членов». Отсюда в государстве «развитие индивидуальности само является... одним из высших солидарных интересов». Причем суверенная власть «призвана» (см. 184) их удовлетворять. В частности, в результате служащей «благу индивида» (279) государственной деятельности «растет и личность» (185).

1.16. О так называемых «неправых» юридических актах

По учению Г. Еллинека, «в праве... издавна... существует... некоторый... комплекс» норм, «по отношению к которому бессильна власть законодателя». Например, государство «не имеет реальной возможности признать убийство ненаказуемым». Если бы законодатель «сделал такую попытку», то «функция наказания тотчас же стала бы осуществляться другими, не поддающимися его воздействию, социальными силами» (см. 273). И это означало бы дезорганизацию государства.

Вот почему нельзя не прийти к следующему заключению. «Всякое право распадается на постоянные... и изменчивые составные части». Из них первые «служат... правовым критерием для оценки... волевых актов государства», которые с «формальной» стороны «представляются непререкаемыми» (см. 273).

Отсюда подобный документ, скажем, «закон или вступивший в законную силу и не подлежащий пересмотру судебный приговор, может быть квалифицируем как неправый», а не только в качестве «несправедливого». Причем «с этой точки зрения становятся... возможными обязанности государства» (см. 273) в области формулирования и применения юридических норм.

1.17. Об усмотрении главы должностных лиц в государственной организации

Как подметил Г. Еллинек, «в широких областях... деятельности» государства во многих случаях обычно «не зависит» от решения упомянутого руководителя, следует ли создавать «учреждения и какие именно». Естественно поэтому, что для главы должностных лиц «возникает... юридическая обязанность назначения» в указанные органы, именуемые «необходимыми», соответствующих индивидов. «В этом, а равно и в тех разнообразных» нормах, которым «подчинен» отмеченный руководитель «в силу правовой необходимости управлять вместе со служебным персоналом или, как в области правосудия, всецело предоставить» чиновникам «функционировать вместо него, заключается весьма широкое ограничение самого субъекта служебного верховенства» (см. 411). В частности, сюда относится охватываемая «должностным» правом «внутренняя организация должностей», подчас выступающая в виде «упорядоченной системы инстанций» (см. 514).

Правда, в государстве могут быть, кроме необходимых, и иные официальные структуры суверенной власти, а именно «факультативные» (411). Такие структуры глава должностных лиц юридически имеет право, но не обязан создавать. В этой сфере усмотрение субъекта служебного верховенства не встречает препятствий только что указанного рода.

1.18. О централизации и децентрализации в государстве

Государство Г. Еллинек именовал централизованным при одном условии. «Компетенция» каждого органа государства «простирается на всю территорию» (см. 462) упомянутого сообщества. В децентрализованной же государственной организации это условие не соблюдается. Здесь имеются органы государства «с пространственно ограниченной компетенцией» (463) в рамках его территории.

«Централизованными или децентрализованными могут быть все... государственные функции». Так, «рядом с децентрализацией управления существует децентрализация законодательства и суда» (см. 457).

По Г. Еллинеку, в реальной политической жизни «строго централизованное государство... встречается, если не считать самых незначительных государственных общений... как... не... реальный» (467—468), а «идеальный тип». Ведь «даже государства-города расчленились в видах осуществления отдельных государственных функций на отдельные части» (см. 463).

Иными словами, «политически и юридически возможен только вопрос о размерах и пределах децентрализации» (465). При этом присутствующие в ее условиях региональные и местные государственные органы неизменно «имеют свою решающую власть», в ряде случаев «изъятую от контроля и пересмотра со стороны высшего» (см. 468) учреждения.

«Тормозами на пути к более значительной централизации» выступают многочисленные факторы. Здесь немалую роль играют «резкие национальные» и культурные «различия в составе населения... отдаленность части государственной территории от центра... невозможность в достаточной мере ознакомиться» из него «с реальными жизненными отношениями отдельных» (см. 463) областей государства, «характер связи» между этими регионами, например «разобщенность и замкнутость» последних «вследствие горных цепей» (55).

Разумеется, устранение указанных тормозов обычно влечет за собой усиление централизации. Скажем, «децентрализация управления... имеет у горных народов естественную почву до тех пор, пока... развитие способов сообщения не облегчает сношений отдельных долин между собою и с центром» (55).

1.19. О формах государства

По словам Г. Еллинека, «выражение «республика», впервые примененное Макиавелли исключительно для обозначения немонархических государств» в

противовес монархиям, «впоследствии упрочилось... в этом... значении». И «другие авторы... кладут» упомянутое «двучленное деление в основу учения о формах государства» (см. 492).

Вот почему «греческая» классификация указанных политических феноменов «на монархию, аристократию... демократию», а также их искажения начинают «вытесняться». Взамен постепенно утверждается «строгое противоположение» (см. 492) единовластия «многовластию» (527).

Здесь разница между формами государства очевидна. Высшая государственная власть представлена «волею либо... индивида, либо совокупности лиц» (493). Первый вариант имеет место в монархии, второй — в республике. Между прочим, в этом смысле «римская диктатура, — цитировал Г. Еллинек Т. Моммзена, — есть «монархическое учреждение в пределах республиканского порядка»» (509).

Монарх «непосредственно как индивидуум обладает высшей государственной властью» (500). Его «воля юридически должна быть... не производной от какой-либо другой» (494).

В республике же «высшая государственная власть никогда не сосредоточивается в руках одного лица» (500). Другое дело, что при анализируемом правлении «круг» индивидов, «из которых образуется господствующая воля, может быть более или менее значительным». Однако это не служит «юридическим основанием для конструкции самостоятельно противостоящих республике» немонархических форм государства. «Аристократия... демократия и разные другие» из них, выделявшиеся «античной» и более поздней политической наукой рядом с монархией, со строго логической точки зрения должны рассматриваться «только как подвиды обширного» республиканского «вида» (см. 526).

Приведенное деление государств на две группы в зависимости от принадлежности высшей власти индивиду или коллективу людей «является... наиболее общей классификацией». Республика и монархия могут быть подразделены на многочисленные виды. При этом основаниями указанного

дальнейшего деления способны выступить «все возможные различия в организации государств» (см. 493).

1.20. О содержании юридических норм

Образующая это содержание суверенная «воля, — писал Г. Еллинек, — должна быть внепартийной, выражающей только общий интерес, хотя отнюдь не всегда действительно является таковой. Но и несоответствующая идеалу государственная воля все же остается волею государства», воплощаясь в праве. Скажем, подобным образом обстоят дела, если в парламенте «преобладает одна партия, совпадающая с определенной социальной группой» и его «решения... продиктованы интересами ни с чем не считающегося классового господства» (см. 437).

1.21. О поддержке существующего политического строя населением государства

Суверенная «власть, — полагал Г. Еллинек, — должна... опираться на убеждение народа в ее правомерности». Это «приложимо ко всякой форме государства... как постоянное условие существования» упомянутого союза (см. 309). Например, «изменение государственного порядка путем удавшейся революции тотчас же, находя одобрение... большинства народа, рассматривается» правомерным. В частности, таковым «сознавалось значительнейшей частью французов» свержение Наполеона III 4 сентября 1870 г. (см. 259).

Сформулированная закономерность объясняется просто. В самом деле, «социальные нравы там, где они поддерживают государственные учреждения, представляют... один из сильнейших консервативных факторов. Их санкция обладает гораздо более могущественным действием, нежели какое бы то ни было... принуждение» со стороны государства (73).

1.22. О юридической презумпции правомерности существующего состояния

Это предположение, по взглядам Г. Еллинека, является конкретным проявлением уже отмеченной его идеи, что факт порождает право. И здесь нужно иметь в виду не только ранее сформулированное теоретическое положение, согласно которому некоторые действия высших государственных органов должны презюмироваться правомерными при противоречии их праву, но и немало другого. Ведь в государстве очень во многих случаях «существующий социальный факт есть в то же время и правомерный». Так что «каждый, стремящийся к изменению этого состояния, должен доказать свое право» поступать указанным образом (см. 246).

Юридическая презумпция правомерности существующего выступает основанием государственной «защиты владения» (246) как фактических отношений в сфере частного права. Здесь же государством «защищается... брак, пока ничтожность его не констатирована судом» (249).

Эта же презумпция лежит в основе отношения суверенной власти к ряду фактических состояний во внутригосударственном публичном праве. Скажем, человек, «выбранный депутатом, считается» народным представителем вплоть до аннулирования результатов выборов. «Незаконность избрания не оказывает никакого влияния на то, что он успел до кассации совершить в качестве депутата» (см. 249).

Аналогичная ситуация имеет место во внутригосударственном публичном праве и в других «случаях, для которых... конституция», а также остальные формальные источники юридических норм «не дают определений». Например, речь идет о «назначении регентства» в монархии, когда последнее «не предусмотрено» законодательством (см. 399).

Наконец, юридическая презумпция правомерности существующего положения действует в «международном праве», где «на этой... идее основана... теория совершившихся фактов». Здесь, как известно, «фактическое обладание

государственной властью... служит законным основанием для представительства» соответствующей державы «во внешних сношениях» (см. 249).

1.23. Об убеждённости людей в разумности государства

Когда «какая-либо форма организации прочно установилась, — заявлял Г. Еллинек, — она получает... в сознании членов союза характер... нормальной, правомерной» (399). Более того, «существование учреждения в течение продолжительного времени обуславливает обращенные к будущему представления» о его «разумности» (см. 259). Само объединение является «по этому ординарному, среднему мышлению отрешенным» от своего «положительно-правового базиса и принимает характер рационального, как бы созданного непосредственно в силу требований разума» (см. 260).

Вот почему, «если не считать незначительного меньшинства, серьезно отвергающего государство», то указанный союз «признается людьми разумным.... Факт, что судьбы народов всегда неразрывно связаны» с государственной организацией, «породил убеждение о незаменимости услуг, оказываемых» упомянутым объединением, «и вследствие этого оно кажется» рациональным. Иными словами, «в общем сознании народов государство» представляется «разумной» ассоциацией (см. 260).

1.24. О влиянии социальной борьбы на политико-юридические явления

По мнению Г. Еллинека, «весь государственный порядок есть не что иное, как постоянный компромисс между отдельными борющимися за господство группами» (249). Его воплощение в системе правовых норм обуславливается и «интенсивностью интересов» этих коллективов, «и социальной силой заинтересованных» (250).

Другое дело, что отнюдь не все социальные группы в государстве закрепляют свои интересы в праве. Это «подтверждается существованием запрещен-

ных союзов», а также ассоциаций «для преступных целей», не получивших «правового обоснования» (см. 400).

В случае изменения ранее выраженного правом «соотношения» мощи общественных групп новая ситуация «неизбежно отражается на государственных учреждениях». Это происходит, даже если «не меняется ни одна буква» (см. 250) в нормативном правовом акте, обладающем в государстве высшей юридической силой.

А потому здесь «следует отличать писаную конституцию от фактической». Вторая создается реальным «распределением» социальных «сил, которое существует во всяком государстве независимо» от сформулированных «правовых положений» (см. 249).

Общественные группы, влияющие на политико-юридические явления, делают это в рамках установленных правовых норм или другим путем. «Право никогда не бывает достаточно сильно, чтобы разрешать» все «столкновения сил в пределах... государства» (см. 260). В некоторых сферах государственной жизни нельзя «считать возможным находить» в юридических нормах «решение» (см. 261) для каждой конкретной ситуации.

Однако в государстве есть область, где существующие проблемы без какого-либо исключения преодолеваются в соответствии с установленным правом. Ее Г. Еллинек назвал «владениями судьи» (263), занятого правоприменительной практикой. При этом подразумевались «отделы правопорядка», где указанное должностное лицо «обязано постановлять приговор по каждому дошедшему до него делу», и судебное постановление провозглашается «окончательно» (см. 261).

Правда, только что приведенное «определение, по отношению к судье прямо сформулированное в гражданском кодексе... совершенно» неприменимо «к наиболее сложным конфликтам в области публичного права». В этой сфере, «лишь поскольку противостоят друг другу государство и индивид или дело идет о разграничении компетенции разных государственных органов, возможно судебное решение спорного вопроса». Во всем же остальном здесь

нередко, выражаясь образно, право — не указ для его адресатов. Речь идет, скажем, о случаях, когда высшие государственные органы «отказываются отправлять возложенные на них функции» (см. 261), и о «фактах насильственных переворотов» в государстве, «исходящих от носителей власти или подвластных». Ведь, как отмечает Г. Еллинек, вероятность «такого рода событий... никогда не исключается... фактом существования» (см. 262) системы юридических норм.

Вдобавок «даже при самом развитом правопорядке возможны... пробелы в конституции», пополняемые в конкретной ситуации «фактическим соотношением сил». Например, в России Указом Петра Великого от 5 февраля 1722 г. было «установлено престолонаследие по назначению царствующего императора... Если затем, как это многократно имело место... император умирал, не назначив наследника», то рассматриваемая проблема преодолевалась не на базе действующего права. В частности, когда Петр III ушел из жизни, не определив преемника, Екатерина II вступила «на престол без всякого правового основания» (см. 262).

Во всех указанных ситуациях в сфере публичного права, находящихся за пределами упомянутых владений судьи, «посредством силы, не узаконенной» действующими юридическими нормами, «создается — либо вопреки» последним, «либо независимо» от этих правил — «новая организация». И к ней «может затем примкнуть дальнейшее развитие правопорядка» (см. 399).

Не случайно «революции... всегда являются исходными пунктами новых правовых образований» (263), когда «сила идет впереди права» (262). Ведь юридические нормы возникают «не только правомерным путем» (265). При чем «здесь... факт» имеет одновременно «правосозидающее и праворазрушающее значение» (см. 266).

Раздел 2. Д. Истон о политических явлениях и их научном исследовании

Д. Истон сформулировал общую теорию политики, которая в 60—70-е гг. XX столетия в США и ряде других стран господствовала в политологии, т.е. «ловила воображение» или покоряла умы подавляющего большинства политологов, «особенно младших членов профессии» (Р. 143), так обстояли дела не случайно. Упомянутое учение Д. Истона в немалой степени обогатило мировую политическую науку. О вкладе названного мыслителя в политологию, а также о некоторых его спорных идеях пойдет речь дальше.

2.1. О системном исследовании явлений политики и предназначенных для этого понятиях

Как заметил Д. Истон, «каждая часть большей политической картины не является одинокой, а связана со всяким подобным фрагментом» (*Easton D. An Approach to the Analysis of Politics // World Politics. Vol. 9. No. 3 (Apr., 1957). P. 383.* В последующих ссылках это сочинение обозначено А.). Отсюда следует заключение. «Действие ни одной части картины не может быть полностью понято независимо от способа, которым само целое функционирует» (А. 383).

В развитии науки о политике только что сформулированная идея, по мнению Д. Истона, может сыграть немалую методологическую роль. Вот почему «ценно принять это... допущение как ясную предпосылку для исследования и рассматривать политическую жизнь» вполне определенным образом. Имеется в виду понимание последней «в качестве системы взаимосвязанных действий» (см. А. 383—384). Такая трактовка делает возможным системный анализ политической жизни.

Применение его в науке Д. Истон именовал «глубоким познавательным прорывом» (*Easton D. The Political System Besieged by the State // Political Theory. Vol. 9. No. 3 (Aug., 1981). P. 319.* В последующих ссылках это сочинение обозначено PSBS.), осуществленным в XX в. Это продвижение вперед произо-

шло не в какой-то одной области исследования. По словам Д. Истона, «точно как идеи механизма в XV11 столетии и эволюции в XIX в. овладевали способами мышления в широко простирающихся сферах знания, так и в XX столетии системная точка зрения проникла почти в каждый угол и щель мышления... И она пересекла идеологические границы, утвердив себя... в социалистическом блоке, а также в капиталистических странах» (PSBS. 319, см. также F. 24).

Системный анализ в политической науке, полагал Д. Истон, налагает «некоторые широкие ограничения» (F. 34) на исследовательскую работу. В частности, применение в политологии этого способа познания означает, что не социальные «формы» (F. 50) или «структуры», а именно общественные «взаимодействия являются основной единицей» изучения (см. F. 49).

Причем такой «акцент на процессы» поведения людей «придает динамический характер» (F. 50) системному анализу политических явлений (см. F. 50, 132; C. 153). Выражаясь иначе, при названном способе познания указанные феномены изучаются в качестве «непрерывного и сцепленного потока» человеческих поступков, т.е. «на языке динамики» (C. 153).

Д. Истон констатировал, что во второй половине XX в. сделано немало попыток научного исследования политики, которые «вращаются вокруг понятия системы как главной оси» (F. 24). Однако во многих случаях они отличаются от системного анализа, понимаемого правильно.

Чтобы осуществить таковой относительно явлений политики, следует, согласно взглядам Д. Истона, прежде всего, определить основное понятие в этой области, свойственное указанному способу научной работы. При реализации поставленной задачи «оно могло бы быть установлено в качестве центральной балки аналитического каркаса». И «к этому стержню оказалось бы возможным присоединять подходящие вспомогательные понятия, создавая законченный комплект взаимосвязанных категорий» (см. P. 135) для познания феноменов политики.

Выделенную центральную балку Д. Истон именoval политической системой (Р. 48). Она выступает как вид рода. Последний представляет собой систему. Это есть «совокупность элементов» (Р. 31) действительности, избранная для изучения. Причем имеется в виду «любой набор переменных независимо от степени взаимной связи между ними» (С. 147).

Само «понятие «система», когда точно используется, — отметил Д. Истон, — уже подразумевает системный анализ» (Р. 26), осуществляемый должным образом. В противном случае такое исследование невозможно.

Сформулированная закономерность действует и применительно к рассматриваемому виду упомянутого рода. Вот почему Д. Истон попытался быть по возможности точным при определении понятия политической системы.

Для достижения этого он сначала дал дефиницию «общества» (Р. 56). Таким, полагал Д. Истон, выступает вся жизнь людей в пространстве, где функционирует определенная суверенная власть (см. Р. 38, 47, 53—54, 57, 66—67). Скажем, обществом именуется Франция XX века, равно как и США в указанный период (см. Р. 73—74).

Затем, используя сформулированную дефиницию, Д. Истон определил и политическую систему. Она есть существующая в обществе совокупность явлений политики (см. Р. 52).

Этот набор феноменов, представляющих собой человеческие «действия» (А. 385), функционирует в определенной окружающей обстановке или среде. Ее ученый назвал «окружением» (Р. 24) политической системы. Последнее делится на социальное и физическое (см. Р. 71). Причем окружение оказывает на политическую систему разнообразные влияния.

Иными словами, она выступает в качестве «открытой» относительно этих воздействий (Р. 25).

По взглядам Д. Истона, само выделение указанной среды не менее необходимо для системного анализа политических феноменов, осуществляемого правильно, как и верное определение того, что она вмещает (см. Р. 24—25).

Причем соотношение такого содержания и окружения, в частности, характеризуется следующим.

«Внутри... системы» помещаются объекты реальности, которые хотят «исследовать обстоятельно». И «для научных целей от этих переменных... ожидается демонстрация значительных взаимной связи и согласованности. Объекты, оставляемые снаружи в виде... части окружения», рассматриваются «в качестве данных. Они выступают независимыми переменными или параметрами системы... При опознании этих объектов» нет «нужды вдаваться в подробности... (см. Р. 66).

Внешние переменные по сравнению с внутренними или зависимыми, — продолжал свою мысль Д. Истон, — вполне могут иметь более значительные последствия для функционирования системы... Их исключение из нее» свидетельствует только об одном. «Взаимное родство элементов или переменных, которые включены в систему, есть то, что стремятся понять» (см. Р. 66).

По представлениям Д. Истона, установленная им граница между реальностью, обозначаемой основным понятием системного анализа для исследования явлений политики, и окружающей средой при необходимости может быть изменена. «Если окажется, — писал этот мыслитель, — что для продвижения вперед познания следует включить в политическую систему какой-то элемент, раньше отнесенный к окружению, то кризиса не случится». Для выхода из такой ситуации нужно просто определить основное понятие системного анализа иначе, чем прежде (см. Р. 67).

Другое дело, что «каждый раз, когда увеличивается система, одновременно сокращается окружение». И «это вводит» в формулируемые выводы «элемент неопределенности». С ним приходится мириться. Ведь политическая система есть категория, создаваемая с целью «понимания определенной и переопределяемой сферы человеческого поведения, а не узкая куртка для постоянного ограничения анализа внутри выбранной заранее формы или модели» (см. Р. 67).

Правда, указанный элемент неопределенности сильно не сказывается на характере делаемых выводов. Это обусловлено общим стремлением, обнаруживаемым исследователями при определении политической системы. Выделенной объединяющей целью выступает достижение наиболее глубокого познания соответствующих явлений. Формулируя отмеченную дефиницию, «мы, — заметил Д. Истон, — сталкиваемся с задачей не осуществления капризного выбора переменных, а отбора той комбинации, которая на базе опыта, проницательности и прошлого исследования... даст... самое ценное понимание, почему люди в политике ведут себя вполне определенным образом» (Р. 32; см. также Р. 48).

Причем необходимость достижения такого знания «действует в виде стеснения» при «отборе» (Р. 32) поведения, объединяемого в политическую систему. Выражаясь иначе, определение последней «не есть произвольно осуществляемое дело», или указанная дефиниция «никогда не является вопросом прихоти» (см. Р. 33).

Что касается уже упомянутых влияний извне на политическую систему, то эти воздействия в ряде случаев не остаются безответными. Она обладает «возможностью... не всегда... используемой» (Р. 78), реагировать на такие вмешательства (см. Р. 25, 99). При этой реакции «положительная деятельность может быть осуществлена, чтобы справиться с влияниями» (Р. 77) из окружения.

Вдобавок политическая система способна получать сведения о последствиях для нее собственных ранее предпринятых действий. В состоянии эта целостность и регулировать на основе указанной информации свои будущие акты (см. Р. 25).

В частности, при таком упорядочении «не только присутствует свобода выбирать из ряда альтернативных стратегий». Люди, выполняющие выделенное регулирование, «в состоянии сознательно приниматься изобретать... методы для преодоления новых или старых кризисов». Отсюда «в конечном счёте, столько же много альтернативных ответов» на влияния из окружения может

быть «в наличии... сколько способна предложить человеческая изобретательность» (см. Р. 100. Об этом см. также Б. 130).

Системный анализ, проводимый правильно, базируется на учете только что отмеченных обстоятельств. Это условие не реализуется при ином способе познания политических феноменов. В данном случае подразумевается так называемый «равновесный анализ» (С. 145; см. также Р. 99). Исторически он предшествовал системному исследованию политики (см. Р. 135).

Теория, на которой базируется равновесный анализ, рассматривает «политический процесс в качестве гигантского механизма для создания» и реализации обязательных «решений» для общества. Причем люди, принимающие и проводящие в жизнь такие постановления, трактуются «как подверженные громадной массе» влияний от разнообразных социальных групп (см. Р. 135).

Эти воздействия «направляются друг против друга, развивая параллелограмм сил, которые через торговлю, переговоры, адаптацию, компромисс и пригонку» достигают «некоторого пункта равновесия» для конкретных «времени и места». Указанное состояние уравновешенности выливается в «специфический политический курс». Однако при изменении хотя бы одной из упомянутых социальных сил ранее достигнутое равновесие нарушается. В таких обстоятельствах вести речь о сохранении старого политического курса не приходится. Снова начинается «соревнование между различными группами за влияние» на политику. В результате достигаются новые «пункт равновесия» и политический курс (см. Р. 135).

Обсуждаемая «равновесная модель» (Р. 100) функционирования явлений политики в обществе, констатировал Д. Истон, не чужда пониманию их как целостности, подверженной воздействиям со стороны окружающей среды. При этом предполагается, что эта совокупность политических феноменов в таких условиях стремится поддерживать состояние уравновешенности (см. С. 145-146; П 100).

Не случайно рассматриваемая целостность, согласно излагаемой концепции, пытается вернуться к ранее существовавшему равновесию, если оказывается

из него выведенной внешними влияниями (см. С. 145—146; Б. 100). Когда же «так поступить не удастся», совокупность политических процессов «движется к новому состоянию уравновешенности» (С. 145).

К отмеченной закономерности или «тенденции» (С. 145), подразумеваемой обсуждаемой теорией, Д. Истон отнесся вполне определенно. «Принимать понимание этого сорта, — заметил он, — было бы в действительности оставлять» совокупность политических явлений «во власти некоторой невидимой... руки» (см. Р. 100), обеспечивающей упорядоченность.

Причина такого положения дел проста. В соответствии с доктриной, на которой основывается равновесный анализ, люди, занимающиеся политикой в обществе, «призваны бездельничать... принимать» внешние влияния «инертно вследствие некоторого механистически понимаемого способа адаптации к изменениям, имеющим место в окружающей среде» (см. Р. 99).

С точки зрения Д. Истона, так поступать нельзя. Концепция же, формулирующая упомянутую тенденцию, искажает действительность «по крайней мере» в двух отношениях.

Прежде всего, люди, создающие и реализующие политический курс, «вполне могут иметь» иную «основную цель», чем «достижение одной или другой точки уравновешенности» соответствующих явлений. Например, указанные лица «способны иногда желать» прямо противоположного. Речь идет об «осуществлении положительных действий с целью уничтожения предыдущей уравновешенности или даже для достижения некоторой новой точки продолжающегося неуравновешенного состояния». Именно так обстоят дела, когда политические руководители общества «стараятся удержаться у власти посредством способствования внутренним беспорядкам или внешним опасностям» (см. С. 146).

Вдобавок эти правители и их подчиненные «не обязаны реагировать» на вмешательство в процессы политики при помощи способа, предполагаемого равновесной моделью. Имеется в виду охарактеризованная инертная реакция «только путем колебания поблизости от предшествующей точки равнове-

шенности или с помощью перемещения к новому такому пункту» (см. С. 146). На практике присутствуют иные способы реагирования.

Во-первых, упомянутые субъекты в состоянии справляться с внешними воздействиями на политическую систему, изменяя их источник для того, чтобы обсуждаемых влияний больше не было. Во-вторых, эти лица «могут пытаться изолировать» феномены политики в обществе от вмешательств со стороны окружающей среды (см. С. 146; Р. 84, 99). В-третьих, такие индивиды способны в большей или меньшей степени трансформировать политические процессы и структуры с целью иметь возможность успешно отражать анализируемые воздействия (см. С. 146—147; Р. 99). Наконец, в-четвертых, указанные люди в силах разнообразно комбинировать только что выделенные способы для совладания с влияниями из окружающей среды на феномены политики в обществе (см. С. 147).

Приведенных фактов, считал Д. Истон, достаточно для отказа от использования в научных изысканиях обсуждаемой равновесной модели политических процессов в силу неверного отражения ею реальности. Согласно его представлениям, такое искажение не допускается в ходе применения системного анализа к явлениям политики. Вот почему «общую теорию», из которой последний вытекает, по мнению мыслителя, политологам следует принять на вооружение. Впрочем, отмеченная доктрина иногда именуется автором «системным анализом» (см. Р. 138).

Эта концепция, кроме общества, политической системы и окружения, включает ряд других понятий. Прежде всего, здесь подразумеваются так называемые «власти» (Р. 54; см. также: *Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. СПб., 2006. С. 99. В последующих ссылках это сочинение обозначено К.). К этому наименованию подчас добавляется эпитет «политические» (Р. 116). Причем власти нередко характеризуются в качестве «правительства» (А. 392).*

Такое имеют, отмечал Д. Истон, все политические системы. В каждой из указанных целостностей правительство служит, «чтобы сделать возможным коллективное действие» (см. С. 152).

Властями выступают индивиды и коллективы, «облеченные специальными обязанностями и полномочиями действовать от имени системы» (Р. 128) и соответствующего ей «общества» (Р. 54; см. также С. 152). Скажем, это относится к «государству». В нем как «общественной политической системе» правительство обладает правом, именуемым «монополией физического принуждения» (см. Р. 54, а также Р. 57).

Власти претендуют на повиновение людей в конкретном пространстве. Упомянутая сфера очерчена «политически определенными границами для всего общества». Отсюда пересечение таких пределов индивидом позволяет констатировать уход этого человека «из области юрисдикционных притязаний одного» правительства в подобную сферу другого (см. Р. 67—68).

Реальность, обозначаемая категорией «власти» в государстве, выступает в форме его «аппарата» (РБВБ. 230) и включает то, что именуется законодательными, исполнительными и судебными органами (см. РБВБ. 318). Между прочим, именно в этом смысле Д. Истон писал о «правительстве Людовика XVI» во Франции XVIII в. как о «правлящем суверене» (А. 393).

В рассматриваемой теории присутствует также понятие «член политической системы» (Р. 57). Речь идет о человеке в обществе, когда он участвует в поведении, охватываемом политикой (см. Р. 42—44, 56—57).

Упомянутые члены соединяются в разные политические объединения. Один из таких коллективов представляет собой «кооперирующую группу» (А. 393) людей, включающую в себя все общество. Причем последняя поддерживает мир внутри себя и с этой целью соответствующим образом разрешает разногласия составляющих ее лиц (см. А. 391).

Выделенную кооперирующую группу Д. Истон обычно называл «политическим сообществом» (Р. 116; см. также А. 391—392). Оно иногда именуется однословно «сообществом» (А. 391).

Ученый привел ряд примеров обсуждаемого объединения (см. Р. 120; А. 392—393). Скажем, одной из таких «иллюстраций» оказалась «современная Франция... как государственное политическое целое» (см. А. 394).

В анализируемой доктрине сформулировано и понятие «режима» (А. 392; см. также Р. 116, 120). Он есть совокупность самых общих императивных правил для членов политической системы. На основе таких норм власти выносят «и проводят в жизнь» свои решения. Например, в государстве «в свете... этих основных правил», именуемых «в западном обществе», как выразился Д. Истон, «конституционными принципами», действия правительства «признаются законными и принимаются основной массой» живущих здесь людей в качестве обязательных (см. А. 392—394).

Власти, сообщество и режим обладают общими характеристиками. Например, отмечается, что они являются «аспектами» или «уровнями» (см. А. 394), равно как и «компонентами» (Р. 116), т. е. «частями» (А. 392), политической системы.

Обеспечение «живучести» (Р. 90) такой целостности или «выживания» (Р. 90; К. 99) последней есть практическое назначение и, следовательно, «аналитический исходный пункт» (С. 152) рассматриваемой теории. Реализации этой задачи служит, по словам Д. Истона, главная цель упомянутого концептуального построения — «понять, как политические системы ухитряются сохраняться во времени» (см. Р. 55, а также К. 94).

Такое выживание не предполагает отсутствие в них изменений. В самом деле, «немыслима социальная ситуация», в которой человеческие «взаимодействия абсолютно неизменны. Чтобы стабильность имела разумный смысл, она должна представлять собой состояние, где темп перемен является... медленным... Но некоторое изменение происходит всегда» (см. Р. 106-107).

Естественно, что так обстоят дела и с политическими системами. Ведь они, как отмечено, состоят из человеческого поведения.

Иными словами, очевиден вывод. «Едва ли мы могли бы интерпретировать живучесть как означающую сохранение» политической «системы, вообще

лишенной любых изменений. Нельзя сомневаться в факте. В течение долгого периода времени значительные различия появляются в том, что может быть опознано как сохраняющиеся политические системы» (см. Р. 84).

Вот почему «неживучесть» всякого такого социального целого «свидетельствует о положении, которое включает большее, чем простое изменение. Она означает полный развал и исчезновение политической системы» (см. Р. 83).

При обычном порядке вещей исключить указанные последствия призвано функционирующее здесь правительство.

Во всяком случае, «типично власти... солидаризируются с существующей системой» (Р. 129).

При таком положении дел правительство добивается ее сохранения путем принятия и осуществления обязательных решений для соответствующего общества (см. Р. 153—154; С. 148—149; К. 99). Выделенные постановления разнообразны. В частности, в качестве примеров Д. Истон привел «статуты правовой системы, административные решения и действия». Иными иллюстрациями, по его мнению, выступают «указы, правила и другие провозглашенные... линии поведения со стороны... властей» (см. Р. 126).

Для недопущения развала и исчезновения политической системы нужно выяснить, какие именно изменения в ней приводят к таким последствиям, и отделить эти перемены от других модификаций. Д. Истон решил указанную задачу следующим образом. Он прибег к делению деятельности людей, входящей в политическую систему, на две категории. По Д. Истону, в отмеченном общении присутствуют «существенные» (Р. 92) и «несущественные» (Р. 94) человеческие «взаимодействия» (Р. 93).

Первые при их наличии в определенном количестве «дают возможность» (Р. 93) политической системе нормально функционировать. Если же указанной численности рассматриваемых взаимодействий нет, то имеет место другое последствие. Политическая система не сохраняется.

Иначе связаны с ее судьбами выделенные несущественные взаимодействия. Политическая система нормально функционирует независимо от того, тако-

вых много, мало или нет совсем в этой целостности (см. Р. 94). Другими словами, несущественные взаимодействия не влияют на ее выживание.

Буквально Д. Истон писал об обсуждаемом делении, что «возможно вычленишь два различных аспекта системы. Один опознает те черты системы, которые дают возможность ей действовать типичным способом и поэтому коренным образом отличают анализируемое целое от других систем. Посредством классификации систем на демократические, авторитарные, тоталитарные, традиционные или модернизирующиеся каждому типу системы приписываются неодинаковые типичные способы действия. По-видимому, эта разница может быть точно определена через разряды отношений или модели взаимодействий, которые считаются главными свойствами системы. Возможно именовать указанные отличительные признаки, каков бы ни был их специфический характер, существенными переменными» (F. 93).

Однако имеется и «второй аспект» политической системы, который «в состоянии меняться, не модифицируя типичный способ действия» последней. Он состоит «из несущественных черт» или переменных этой целостности. Например, в свете только что использованной «обычной классификации... Соединенные Штаты Америки продолжали бы функционировать типично как демократия, несмотря на ряд изменений в их политической структуре в последние пятьдесят лет. Многие трансформации в типе политической системы являются возможными, не приводя к трансформации этого типа» (см. F. 94).

По мнению Д. Истона, «иллюстрация из биологии поможет прояснить различие между существенными и несущественными переменными». В частности, с этой целью возможно «обратиться к человеческому организму» (см. F. 94).

Если так поступить, то «изменения в определенных переменных, внутренние для» избранной «органической системы, могут случиться без уничтожения нормального способа действия рассматриваемого тела как целого. Потеря глаза, конечности или другого из удвоенных органов способна уменьшить гибкость, с которой организм в состоянии справляться с любыми последую-

щими повреждениями. Но это не обязательно уничтожает типичный способ функционирования человеческого тела. Можно описать осмысливаемую ситуацию, заметив, что существенные переменные анализируемой органической системы остались в границах их нормальной сферы». Однако «если бы кровяное давление оказалось вытесненным за пределы известного уровня или содержание сахара в крови упало бы ниже точно определенного пункта, то имелись бы более серьезные последствия. Последние два параметра составляют... существенные переменные исследуемой органической системы. Они должны удерживаться внутри необходимых границ для продолжения жизни» (см. F. 94) человеческого тела.

Понятие существенных переменных, действующих в пределах некоторой нормальной сферы, Д. Истон ввел в политологию из кибернетики (см. F. 92; *Ashby W R. An Introduction to Cybernetics. N. Y.: John Wiley and Sons, 1956. P. 197*). В политической системе любого из упомянутых типов оно обозначает точно определенную вещь. Речь идет о конкретном количестве необходимых для сохранения рассматриваемой социальной целостности специфических человеческих взаимодействий.

Их количественная характеристика не случайна. По словам Д. Истона, «живучесть» каждого конкретного «типа политической системы требует большего, чем присутствие существенных переменных. Они должны действовать в степени, превышающей определенный уровень» (см. F. 93).

Скажем, «для наименования системы демократической наличия в политике свободы слова или народного участия в малой мере... недостаточно. Количество является решающим». И оно определяется установлением «нормальной или критической сферы» (см. F. 93) варьирования соответствующих существенных переменных.

Как полагал Д. Истон, имеются социальные взаимодействия, необходимые для обеспечения сохранения «всякой политической системы, независимо от типа» (F. 96). Для них также существует нормальная сфера, выход из которой приводит к уничтожению указанной целостности.

Ученый выделил «две существенные переменные для всех и любых разновидностей политической системы». Имеется в виду, прежде всего, «создание и выполнение решений для общества» (см. F. 96). Уже отмечено, что такими делами призваны заниматься власти.

Но есть и вторая существенная переменная. Здесь подразумевается «относительно частое принятие» анализируемых решений «в качестве обязательных большей частью общества» (см. F. 97). Впрочем, вторая существенная переменная по сути охватывается первой. Ведь правительство в состоянии выполнять принятые постановления только при условии, что они признаются обязательными большинством людей в обществе.

По мнению Д. Истона, «если происходят происшествия, делающие невозможным для членов системы достижение» этих «решений, или если после принятия последние обычно отвергаются большими частями состава» упомянутых индивидов, то имеет место идентичное последствие. «Никакая политическая система (демократическая, тоталитарная или авторитарная) не может функционировать» (см. P. 96).

В описанных ситуациях налицо факт. Существенные переменные любой политической системы в рассматриваемом обществе вытеснены из их крайне необходимой или нормальной сферы. Иными словами, «либо власти являются последовательно неспособными создавать решения, либо постановления, которые правительство выносит, больше обыкновенно не принимаются в качестве обязательных» (С. 148).

Охарактеризованные «обстоятельства» непременно приводят еще к одному результату. «Общество рушится из-за отсутствия... поведения для выполнения одной из своих жизненно важных функций» (см. С. 148). Речь идет о «направлении ресурсов, а также энергии его членов на урегулирование разногласий, которые нельзя разрешить» без усилий властей. Невыполнение этой функции, подчеркнул Д. Истон, «имело бы результатом... смерть соответствующего общества» (см. P. 96).

Правда, политическая «система может быть более или менее способной создавать решения» для последнего «и обеспечивать их принятие в качестве обязательных» указанным количеством людей. «Затрагиваемое поведение варьирует по амплитуде результативности» (см. Р. 97).

В частности, это верно относительно второй из выделенных Д. Истоном существенных переменных для любой политической системы. Какой заметил, «даже там, где власти являются полностью способными создавать решения и стремиться осуществлять их, подчинение будет меняться в пределах континуума. Вероятность принятия всех таких постановлений в качестве обязательных обычно меньше единицы, по крайней мере, в любом значительном историческом промежутке времени. Все же, несомненно, она должна быть выше 0,5. Система находилась бы в состоянии постоянных суматохи и беспорядка и вполне могла бы оказаться на пороге исчезновения, если бы существовала именно равная вероятность того, что решения и соответствующие действия ее властей принимались бы или отвергались бы. Отношение неприятия к принятию должно опускаться внутри ограниченного диапазона значительно больше, чем пропорция, характерная для случайности». При меньших размерах указанного падения «система погибла бы из-за нехватки... авторитета, приданного ее решениям» (см. Г. 97).

Следовательно, «можно сказать, что некоторая разновидность» такого целого «продолжает существовать» (С. 149), когда показатели отмеченной действительности достигают или больше минимума на выделенной шкале. Если дела обстоят иначе, то политическая система «исчезает» по очевидной причине. Это целое перестает быть «минимально результативным» (см. Р. 97) при реализации своих задач.

По словам Д. Истона, такого рода минимум и применительно к способности создавать решения для общества, и относительно частоты реализации постановлений подобного рода имеет «каждая» политическая система и любой ее тип. Причем указанный «критический пункт... меняется» в зависимости от

трех обстоятельств. Сюда относятся «тип системы... время и место» (см. Р. 97).

Только что охарактеризованные существенные переменные отличаются по содержанию от тех, которые отмечены ранее, т. е. типовых (см. Р. 96). По этой причине при вытеснении вторых за границы нормальной сферы действия погибает лишь отдельный тип политической системы. Сама же она продолжает функционировать (см. Р. 98).

Вот почему обеспечение сохранения всякой политической системы может быть осуществлено своеобразным способом. Последним выступает «уничтожение конкретного типа» отмеченной целостности при смене его другим (Р. 98).

В ходе выделенного процесса политическая система в состоянии демонстрировать более или менее сильную способность к переменам. Например, иногда «для сохранения жизненно важных видов деятельности, существенных переменных... «живыми», если уместно так выразиться», анализируемое социальное целое «может переделываться до... неузнаваемости. Демократия в состоянии трансформироваться в несмягченную диктатуру, традиционная система — в полностью современную» (см. Р. 99).

Скажем, в Германии третьего десятилетия XX в. демократическая Веймарская республика была заменена нацистским режимом. Эта перемена оказалась «средством поддержания существенных переменных германской политической системы» (Р. 98) как таковой.

Для сохранения имеющихся способов создания и реализации обязательных решений для общества в конкретных обстоятельствах места и времени вдобавок возможны изменения иного рода. В частности, здесь подразумеваются смена властей, а также модификация границ политического сообщества, после которой обычно меняется его население (см. Р. 86). Например, именно вторая перемена из двух отмеченных типично случается «при военном поражении, где условия капитуляции требуют уступки территории» (Р. 87).

Характеристика процесса и итогов изменений в политической системе, происходящих вследствие подверженности ее разнообразным влияниям, в рассматриваемой концепции дана с помощью еще нескольких понятий. Прежде всего, речь идет о «повреждении» и «давлении» (Р. 90).

Первое дает представление о «происшествии» в политической системе или окружении. Такой «случай», который может быть и человеческим «действием» (см. Р. 90—91), обязательно вызывает последствие. Упомянутый результат заключается в «выведении» политической «системы из теперешней модели функционирования» (см. Р. 91) этой целостности или в порождении возможности указанного варианта развития событий (см. Р. 90-97; С. 148).

Имеются повреждения без «давящего потенциала» (Р. 94). Некоторые из них, воздействуя на политическую систему, «увеличивают шансы... выживания» (Р. 91) таковой. Давление же есть «положение», складывающееся в двух ситуациях. В первой повреждение непременно влечет за собой вытеснение существенных переменных из их нормальной сферы функционирования. Во второй ситуации налицо лишь «угроза» отмеченного последствия (см. Р. 90—97; С. 148).

Повреждение, давящее для всякой политической системы, «обязательно» имеет этот характер в отношении любого ее типа. «Однако обратное утверждение... неверно». Повреждение, выступающее давящим для конкретного типа анализируемой целостности, может не обладать выделенным свойством применительно ко всякой политической системе (см. Р. 98).

Причина такого положения дел уже указана. Это есть отличие по содержанию существенных переменных для любой политической системы от присущих ее отдельному типу.

Понятие повреждения используется, чтобы вести речь не только об источниках воздействия на рассматриваемую целостность. Д. Истон употреблял упомянутую категорию и для обозначения самого этого «влияния» (Р. 104; см. также С. 148). Например, он писал следующее: «Любая политическая система... подвергается влияниям многих разновидностей, воздействующим на это

целое извне или изнутри. Отмеченные... разновидности влияний... названы повреждениями» (Р. 103—104).

Для демонстрации круга их источников в условиях, когда имеет место давление, Д. Истон прибег, в частности, к иллюстрации из области медицины. По его словам, «точно как человеческое тело способно выйти из строя вследствие инфекции, полученной извне, или от изнашивания по причине дряхлости некоторого органа... например сердца, политическая система в состоянии прийти в негодность «от повреждений в окружении или от провалов, прямо вызванных действиями или структурными устройствами в самой рассматриваемой целостности». Так, ученые-политологи в США «время от времени ощущали», что здесь нормальному функционированию всего государственного «строя угрожают трудности создания законодательства, обостряемые разделением властей. Это традиционно выявляется в дискуссиях об ответственной двухпартийной системе для Соединенных Штатов Америки» (см. Р. 114—115).

Чтобы «помешать» выделенным происшествиям, случаям и человеческим поступкам, определенным как повреждения, «действовать в давящей манере», применяются, полагал Д. Истон, «гомеостатические устройства». Последние присутствуют в «каждой» политической системе, «сохраняющейся» под давлением (см. Р. 95).

Для обозначения момента, когда оно начинается, в излагаемой теории используется понятие «ввода» (Р. 112). Так именуется «мощное аналитическое орудие», служащее как «суммарная переменная», которая предназначена «сосредоточивать и отображать все», что реально выступает в качестве давящего (см. С. 150—151).

Эта категория применяется при источнике возникающего давления как вовне, так и внутри политической системы. Во втором случае вводы именуются «внутренними» (см. Р. 114; А. 389).

В концепции Д. Истона присутствует и понятие «результата политической системы» (Р. 111). В содержание последней категории, прежде всего, входят

уже упоминавшиеся обязательные решения для общества, создаваемые властями. Кроме того, к результатам относятся действия правительства по осуществлению таких постановлений (см. Р. 126; С. 151; А. 395).

При давлении на политическую систему здесь, по представлениям Д. Истона, во многих случаях происходит «процесс превращения» (Р. 130) поступившего давящего «сырья» (Р. 131), т. е. ввода, в готовый продукт. Итогом указанной деятельности и выступают результаты (см. А. 384).

Отсюда ясно, «что... в своей элементарной форме политическая система есть просто средство. С его помощью определенные разновидности вводов превращаются в результаты» (Р. 112; см. также А. 384).

В свою очередь, упомянутый продукт воздействует на окружение или «прямо» на политическую систему (Р. 127). Вследствие этого в объекте рассматриваемого влияния возникают изменения. Отмеченные трансформации подчас приводят к прекращению давления.

Но, во всяком случае, при направленности результатов на окружение они «посредством модификации» последнего «влияют на следующий цикл воздействий, которые двигаются из указанной среды обратно в политическую систему» (см. Р. 111, а также С. 152). Впрочем, нечто подобное происходит и в иной ситуации. Имеется в виду направленность результатов прямо на политическую систему. Такие итоги при изменении ее влияют на то, когда и какой будет следующая порция внутренних вводов.

Как выразился Д. Истон, названная целостность описанным способом реализует свое неперменное «свойство». Оно заключается в «способности системы отвечать на давление... через... производство результатов» (см. Р. 127).

Выделенный ответ возможен в качестве способствующего выживанию анализируемой «целостности» (А. 384) по простой причине. Информация о состоянии политической системы и окружения после воздействия на них результатов может передаваться властям. Осуществление этой возможности Д. Истон именовал «обратной связью». Процесс или «петля» последней состоит из ряда сменяющих друг друга этапов. Сюда входят «производство результа-

тов... ответ... на эти итоги, передача информации об указанной реакции властям и... возможные следующие их поступки». Причем правительство способно воспользоваться обратной связью для обеспечения эффективности своего ответа на давление (см. Р. 128; С. 152—154).

Здесь подразумевается то, что власти на основе полученных сведений о действительности их актов, предпринятых ранее, посредством новой порции результатов в силах «пытаться менять или поддерживать любое» положение, в котором находится политическая система. В частности, по словам Д. Истона, рассматриваемая целостность «через соединение... обратной связи и ответа... способна предпринимать... меры по регулированию давления путем видоизменения... своего собственного поведения» (см. Р. 128).

Все вводы в политическую систему, согласно излагаемому учению, делятся на два вида (см. Р. 110, 132). К первому относятся «требования» к этой целостности. Вторым выступает ее «поддержка» (см. Р. 114; С. 151; А. 387), угрожающая снизиться или действительно опускающаяся «ниже некоторого точно устанавливаемого минимума», который обеспечивает выживание политической системы (см. С. 152—154; Р. 119, 124).

Требование есть четко сформулированное заявление, направленное властям. В нем указывается, что по определенной проблеме правительство должно принять и провести в жизнь обязательное решение для общества. Причем предлагается содержание этого постановления (см. Р. 120—121; А. 387).

При анализе генезиса требования обнаруживается факт. Требование развивается из «общественной потребности, предпочтения, надежды, ожидания или желания». Относительно перечисленных вещей, по мнению Д. Истона, можно «в некоторый момент прийти к мысли, что деятельность со стороны властей была бы подходящей. Только в это время — когда... общественные потребности или надежды выражаются в качестве предложений для предпринимаемых правительством решения и действия... следует именовать такие нужды или чаяния политическими требованиями» (см. Б. 122).

Рассматриваемые обращения к властям «рождаются в двух секторах опыта: либо в окружении системы, либо внутри самой» этой целостности. Вот почему по отношению к ней возможно «именовать требования внешними и внутренними» (см. А. 387-388).

В частности, источником вторых выступают разнообразные «неудовлетворенности», которые имеют место в политической системе. Скажем, если здесь, с точки зрения некоторых ее членов, «нормой» должно быть «равное представительство» в парламенте отдельных социальных слоев, пока противоречащее реальному положению дел, то «могут возникать требования» установления одинакового количества избирателей в «городских и сельских избирательных округах» (см. А. 388).

Успешные действия властей с только что указанным вводом предполагают, что это правительство пользуется известной поддержкой в обществе (см. Б. 127, 131; А. 390, 392—393, 395). Относительно определения последней Д. Истон отмечал следующее.

«Можно сказать, что А поддерживает Б... когда первый действует в соответствии с желаниями либо... благосклонно ориентируется к целям, интересам и поступкам второго. Отсюда поддерживающее поведение бывает двух сортов. Оно способно состоять из действий, благоприятствующих целям, интересам и поступкам другого лица. Мы можем голосовать за политического кандидата или защищать решение высшего суда государства. В этих случаях поддержка проявляет себя через очевидную деятельность» (А. 390).

Однако «поддерживающее поведение способно включать... те внутренние формы его, которые называют ориентациями или душевными состояниями». В частности, здесь подразумевается «готовность действовать в интересах некоего другого» лица или коллектива. Например, отдельные разновидности обсуждаемых ориентаций или душевных состояний существуют у индивида, «когда говорят, что человек предан своей партии, привязан к демократии или вдохновлен патриотизмом» (см. А. 390—391).

Что касается «давления от требований» (Р. 119), то властям при ответе на него нужно исходить из очевидного обстоятельства. За известное время конкретная политическая система способна переработать упомянутых обращений к правительству не больше определенного количества и разнообразия. Она не справится с работой, превышающей отмеченный объем. В этом случае имеет место феномен, названный Д. Истоном «перегрузкой требований при вводе» (см. Р. 120).

Ее возможность ученый объяснял так. «Как выраженные указания относительно того, что властям следует делать, требования являются посланиями. Для достижения их места назначения — в этом случае правительства — послания должны быть в состоянии течь по каналам, оказываются ли отмеченные сообщения устными, через средства массовой информации, письмами или тому подобным». Но «ни одна система, независимо от степени ее структурной дифференциации и специализации, не наделена настолько многочисленными» путями для перемещения информации, что имеет «безграничную способность передавать анализируемые обращения к властям» (см. Р. 121).

Перегрузка требований при вводе негативно влияет на шансы политической системы выжить. Объяснение просто. Без ущерба для названной целостности «требования не могут ждать своего удовлетворения бесконечно». Однако при рассматриваемой перегрузке «обработку» всех таких обращений к правительству невозможно осуществить своевременно (см. Р. 120).

Для борьбы с их «чрезмерным объемом и разнообразием» (Р. 120) используются три способа. Прежде всего, функционируют «механизмы» (Р. 122), препятствующие формулированию требований.

Например, эти обращения к властям направляются отнюдь не всеми людьми и коллективами в соответствующем обществе. Таким делом занимаются лишь некоторые лица и объединения, которые чувствуют себя «достаточно сильными» для его выполнения. Скажем, «в современных обществах» речь идет о «заинтересованных группах, партиях, лидерах общественного мнения или средствах массовой информации» (см. Р. 122).

Тех, кто формулирует анализируемые обращения к властям, Д. Истон именовал «структурными регулировщиками количества» и разнообразия требований. Эти лица и объединения, по его мнению, выполняют функцию «привратников, стоящих поперек каналов доступа в систему». Причем упомянутые регулировщики оформляют как политические требования лишь ту часть желаний и чаяний, выражаемых в обществе, которую считают нужным трансформировать в такие обращения к властям. Вдобавок отбор материала для указанной трансформации определяется «характеристиками этих привратников» (см. Р. 122).

Другое дело, что выделенные регулировщики не желают и не добиваются участия правительства в реализации остальных нужд их самих, а также других людей в условиях, когда ничто не мешает выдвигать соответствующие политические требования. Здесь подразумеваются, например, некоторые потребности в «престиже» и в оказании влияния на окружающих (см. А. 387).

Отмеченная позиция привратников понятна. Как известно, человеческие нужды во многих ситуациях «могут находить удовлетворение», притом достаточное, без вмешательства властей. В частности, применительно к указанным потребностям это происходит «через статусные отношения» людей, а также «в образовательных... трудовых и подобных частных организациях» (см. А. 387).

Функционирует и еще один механизм для недопущения формулирования политических требований из выражаемых в обществе нужд и вытекающих отсюда надежд, чаяний и желаний. Суть его такова. «В каждой системе имеются определенные культурные запреты относительно разновидностей потребностей, для которых член чувствует, что является подходящим добиваться... решения» (Р. 122—123) властей. Скажем, при наличии в общественном сознании либеральных воззрений их приверженцы считают необходимым решать ряд экономических проблем без обращения к правительству (см. 121, 123). Аналогично же «может быть, что эстетические» либо религиозные «вопросы не рассматриваются поводом для... деятельности» властей (Р. 123).

Следующий способ борьбы с перегрузкой требований при вводе применяется, когда они уже созданы. По словам Д. Истона, «могло бы быть показано, что во всех системах имеются» виды деятельности, «через которые первоначальная масса» рассматриваемых обращений к правительству, «оказавшаяся сформулированной... сокращается так или иначе. Возможно описывать этот набор процессов как уменьшение количества и разнообразия благодаря соединению двух или больше требований в одно». Например, «отмеченную функцию исполняют партии, заинтересованные группы и лидеры общественного мнения в современных обществах и сопоставимые институты в других системах» (см. Р. 123).

Наконец, используется и третий способ устранения чрезмерных количества и разнообразия анализируемых обращений к властям. Здесь имеется в виду то, что «типично большинство систем при обстоятельствах перегрузки отвечали увеличением их канальной способности переносить требования до... пункта, где они становятся результатами» (Р. 123).

Такой ответ может предполагать «увеличение количества политических структур». В этом случае те из них, которые являются новыми, выступают «добавочными средствами» для обработки требований. Причем производительность политической системы при трансформации обсуждаемых обращений к правительству в результаты повышается, когда «увеличивающаяся структурная дифференциация» властей сопровождается «дополнительной специализацией» (см. Р. 123).

Охарактеризованное направление борьбы с давлением — не единственное. Ради самосохранения политическая система вынуждена бороться и с падением ее поддержки (см. Р. 124).

Поддерживающее поведение, отмечал Д. Истон, нередко адресуется отдельно «сообществу, режиму, равно как и правительству» (А. 391; см. также И. 124). Относительно каждого из этих «трех объектов» (А. 391) возможно и снижение поддержки (см. А. 393).

Иногда применительно к ним у многих членов политической системы формулируется одинаковая ориентация, которая обыкновенно проявляется и в действиях (см. А. 393—394). Скажем, в XVIII в. «отказ» большей части французов поддерживать «правительство Людовика XVI... быстро стал означать отсутствие достаточной поддержки режиму и, в конечном счёте, в некоторой степени... сообществу» (см. А. 393).

Кроме этого варианта поведения членов политической системы, возможны иные. Между прочим, большинство указанных лиц в состоянии «требовать перемены правительства, не подразумевая тем самым неудовлетворенности режимом или сообществом. И временами, хотя это верно менее часто, сообщество демонстрирует достаточное стремление сохраняться» при изменении режима. Например, именно так обстояли дела в английской политической системе с четвертого по восьмое десятилетие XIX в. В отмеченный период она, «вводя основные элементы... демократии, перенесла серьёзную трансформацию... режима без заметного сокращения... поддержки на уровне сообщества» (см. А. 393).

Люди, поддерживающие политическую систему, при этом могут участвовать в поведении, ее подрывающем (см. А. 395). В таком случае поддержка со стороны любого из упомянутых индивидов является, по выражению Д. Истона, «чистым остатком» (А. 395), образующимся после элементарной математической операции. Имеется в виду то, что из большей величины поддерживающего поведения лица вычитается меньшее количество враждебных актов по отношению к политической системе.

Выживание этой целостности отнюдь не предполагает ее обязательную поддержку почти всеми членами. Сохранение политической системы при любых обстоятельствах также не требует огромной активности поддерживающего поведения. С точки зрения Д. Истона, на вопрос о том, «как много поддержки надо ввести» в анализируемую целостность и какому количеству членов следует иметь соответствующие ориентации, обычно проявляющиеся в действиях, для обеспечения обсуждаемой живучести, «никакого готового ответа не

может быть предложено. В каждом случае» это «определит действительная ситуация» (см. А. 394).

В частности, политическая система способна сохраняться, когда значительное количество членов ее не поддерживает, но оказываемая поддержка со стороны остальных очень активна (см. А. 394—395). Однако подобная целостность может выживать и в иной ситуации. Здесь почти все члены оказывают поддержку. Вместе с тем вклад в нее каждого является «небольшим» (А. 394).

При этом, когда за функционирующую политическую систему выступает очень много или гораздо меньше членов, отсюда еще не следует, что в первом случае активность или объем поддерживающего поведения больше, чем во втором. Как заметил Д. Истон, «количество поддержки не обязательно» прямо «пропорционально» (см. А. 395) числу лиц, ее выражающих.

В рассматриваемой теории выделено три «механизма для восстановления ослабевающего» поддерживающего поведения. *Первый из них* — «структурное регулирование поддержки». Таковое выражается в «усилиях изменить структуру и процессы, которые характеризуют специфический тип политической системы» (см. Р. 124).

По мнению Д. Истона, «возможно, это является самой радикальной стратегией» для обеспечения роста поддерживающего поведения. «Она требует от системы трансформации... в качестве средства» самосохранения. Ученый привел соответствующий пример. По его словам, «когда система находится в опасности таких дезорганизации и хаоса, что существенные переменные больше не в состоянии действовать», может быть принят «новый конституционный порядок (структура, нормы и цели), в своей основе отличный от функционировавшего прежде». Приведенная «разновидность ответа» (см. Р. 124) на давление относится к структурному регулированию поддержки.

Второй механизм для восстановления ослабевающего поддерживающего поведения — использование с этой целью результатов политической системы (см. Р. 125; А. 395). Они способны порождать то, что Д. Истон именовал

«специфической поддержкой». Речь идет об «отдаче за... выгоды и преимущества, испытываемые членами системы в качестве части своего членства» (см. Р. 125).

Специфическая поддержка есть, по выражению Д. Истона, «услуга за услугу». Причем в указанном взаимном отношении поддерживающее поведение выступает платой за «награды, которые, как может чувствовать член, он получает от своей принадлежности к системе» (см. Р. 125).

Отсюда ясен метод использования результатов для роста поддерживающего поведения. Отмеченные итоги процесса превращения будут иметь желаемое «влияние на поддержку», отмечал Д. Истон, когда «они одним или другим путем» оказываются «способными отвечать существующим или ожидаемым требованиям членов системы» (см. Р. 127, а также А. 395).

Результаты могут «это делать» разными способами. Например, имеется в виду «модификация условий в окружении или внутри системы таким образом, чтобы первоначальные обстоятельства, породившие требования, больше не существовали» (см. F. 127).

Притом во всех случаях люди, специфическую поддержку которых стремятся вызвать, в происходящем процессе превращения должны «ощущать» одну вещь: «Нечто делается в их интересах» (см. F. 127).

Разумеется, такого рода ощущение может быть обманчивым. Оно способно сложиться, когда политическая система вместо реализации требований действует иначе. Эта целостность лишь создает «впечатление в умах членов» (F. 127), что удовлетворение их упомянутых обращений к властям произошло (см. А. 393). Поддержка, вызванная отмеченным введением в заблуждение, непрочна. Она разрушается, как только члены политической системы обнаруживают обман. Понимание же реального положения дел к ним рано или поздно приходит. Вдобавок никогда не удастся ввести в заблуждение всех указанных лиц (см. А. 395).

Возможности политической системы создавать специфическую поддержку являются ограниченными. Объяснение просто. «Никакая система не может

удовлетворять все требования ее членов. Некоторые» такие обращения к правительству «должны оставаться неосуществленными» (см. F. 125).

Вместе с тем само по себе это обстоятельство негативно не сказывается на специфической поддержке. Она снижается по другой причине. Это происходит в условиях того, что Д. Истон назвал «несостоятельностью результата» (F. 120).

В частности, здесь имеются в виду итоги «последовательного неудовлетворения системой» в течение «довольно долгих периодов» времени «минимальных требований, которые члены стали воспринимать как им причитающееся». Причем «содержание» таких указанных обращений к властям «меняется, — как выразился Д. Истон, — с историческим моментом и культурой» (см. F. 126).

Отмеченная несостоятельность результата есть «сильное и беспрестанно растущее состояние недовольства» (F. 120), имеющееся у членов системы. Оно порождается действиями правительства.

Однако следствием этой неудовлетворенности обыкновенно выступает не только падение поддержки властей. «Постоянная неспособность правительства производить удовлетворительные результаты для членов системы... может вести к требованиям изменения режима или роспуска... сообщества» (A. 397; см. также F. 120).

При нежелании допустить такие последствия власти, полагал Д. Истон, оказываются вынужденными проводить вполне определенную политику. Ее суть — удовлетворение требований членов системы. Правда, какие из рассматриваемых обращений нужно реализовывать, когда, от кого они исходят, а также в чем заключаются конкретные условия отмеченного осуществления, «есть вопросы для специального исследования». До этого изучения ясно лишь одно. Власти «должны удовлетворять требования, по крайней мере, самых влиятельных» (см. A. 396) из своих подчиненных.

Другое дело, что не исключены ситуации, когда правительство стремится к изменению режима или роспуску сообщества. Например, «целям Гитлера

служил приход к власти под маской Веймарской республики. Но он быстро уничтожил» демократический режим в Германии, создав «Третий рейх. Находясь у власти» во Франции, «де Голль подобным образом преуспел в удалении остаточной поддержки, которая предоставлялась Четвертой республике. Упомянутое правление было трансформировано в режим, радикально изменивший отношение между исполнительной и законодательной властями» (см. И. 129).

Разумеется, и в этого рода случаях приведенные суждения Д. Истона об удовлетворении требований членов политической системы остаются в силе. Уместно лишь заметить относительно приведенных примеров, что, скорее всего, многие влиятельные лица, анализируемые обращения которых были учтены, при выдвижении последних имели устремления, не противоречащие цели правительства изменить режим.

Требования, предъявляемые политической системе ее членами, являются «одним из источников изменения» (А. 390) этой целостности. Такие перемены могут быть разнообразными. В частности, при реализации правительством требований не исключена следующая форма его действий. Власти «отбирают несколько» этих обращений «в качестве целей... системы». Затем правительство «передает ограниченные ресурсы общества», делящиеся на «материальные» и «человеческие», для осуществления выбранных стремлений. В сущности, заметил Д. Истон, это есть возможная составная часть «процесса превращения» (см. Р. 131). В нем описанным путем решается задача остановить и даже повернуть вспять сокращение поддерживающего поведения для политической системы.

В периоды, когда обсуждаемое падение случается, эта целостность может выжить, опираясь на накопленный ранее «запас» (А. 396) специфической поддержки. Он способен появляться как итог предыдущих результатов политической системы.

Типичная «форма», которую запас специфической поддержки принимает в «массовом индустриализованном обществе», представляет собой «партий-

ную преданность». Он может накапливаться в этом виде, когда политическая партия находится у власти, т.е., по словам Д. Истона, «контролирует правительство». В частности, констатировал этот исследователь, правящая Демократическая партия США добилась такой преданности от рабочего класса во время президентства Ф. Д. Рузвельта. В последующем демократы, находясь у власти, опирались на специфическую поддержку выделенного социального слоя, зачастую игнорируя его требования (см. А. 396).

По представлениям Д. Истона, посредством описанного использования результатов «возможно, делается главный вклад в силы, которые помогают поддерживать существенные переменные системы». Поэтому не случайным является известный факт. «Политическая наука» во второй половине XX столетия, стремясь выявить пути роста поддержки для различных правительств, режимов и сообществ, «продемонстрировала степень интереса к способу» создания и осуществления результатов системы, «превышающую имевшуюся в прошлом» (см. И. 126).

Третьим механизмом для борьбы с сокращением поддерживающего поведения выступает «политизация» (А. 397). Это есть комплекс видов деятельности. В ходе них у человеческих индивидуумов формируются «привязанности к политической системе». Однако политизация осуществляется не только ради этого. Охватываемые ею виды деятельности нацелены на приобретение людьми «осведомленности о своих политических ролях и желания исполнять таковые» (см. А. 399).

Политизация в отношении конкретного лица происходит в определенных временных границах. Указанные пределы представляют собой хронологические рамки существования человека. Обычно политизация имеет «самое глубокое влияние» на индивида «в возрасте от тринадцати до девятнадцати лет» (см. А. 398).

В ходе политизации лицу передаются «цели и нормы» политической системы. Это делается «через сеть наград и наказаний» (см. А. 397).

Между прочим, «за подчинение» выделенным устремлениям и правилам члена политической системы «ставят в такую ситуацию», что он «чувствует себя достойным, желанным и уважаемым». Вдобавок это лицо «часто приобретает материальные выгоды, как, например, богатство... улучшенные благоприятные возможности». За выход же из «пределов допустимой сферы» к члену политической системы применяют разнообразные санкции. В итоге он «чувствует себя недостойным, отвергаемым, неуважаемым», а также «нередко переносит материальные утраты» (см. А. 398).

Используемая при процессах политизации «модель наград и наказаний» не «всегда является эффективной. Если бы дела обстояли иначе, — подметил Д. Истон, — то мы никогда бы не изменились с каменного века» (см. А. 398).

Частичная недействительность обсуждаемых наград и наказаний закономерна. Устремления и правила, передаваемые человеку при политизации, он нередко не считает для себя полезными. Причем в ряде случаев такая позиция достаточно обоснованна. В подобных обстоятельствах «самые соблазнительные награды и наиболее строгие наказания» не блокируют «преследование» индивидом того, что он «считает своими непрекращающимися интересами». Вот почему человек ради собственной пользы, возможно, станет стремиться «изменять цели и нормы системы». Правда, при попытках этого рода модификации он будет демонстрировать «варьирующие степени успеха» (см. А. 399).

Отсюда «некоторая мера неподчинения» устремлениям и правилам, внедряемым в человеческое сознание в ходе политизации, «может... сама становиться соблюдаемой нормой» (см. А. 398). По словам Д. Истона, «это есть один из... источников политического изменения» (А. 399).

При политизации применяется немало «средств... для передачи» отмеченных «целей и норм». В частности, такие устремления и правила интегрируются в «различные политические мифы, доктрины и философии». Причем анализируемые вместилища целей и норм «имеют тенденцию повторяться во всех обществах» (см. А. 399).

Эти источники устремлений и правил обычно познаются людьми, подвергаемыми политизации, с помощью «лиц, равных им по положению в обществе; родителей, братьев и сестер, учителей, организаций и социальных лидеров». Успех при таком изучении обеспечивается добавлением «физическими символами, как, например, флаги или тотемы, а также церемониями и ритуалами, нагруженными политическим смыслом» (см. А. 399).

Кроме того, полагал Д. Истон, «система может принимать различные специальные меры, если она видит, что... поддержку» со стороны членов следует усилить. Например, сюда относится «индоктринация». Это есть «форма» деятельности для увеличения поддерживающего поведения, где «идеология играет ведущую роль» (см. Б. 125).

Содержанием процессов индоктринации выступает «внушение идей» членам политической системы. Скажем, этих лиц убеждают в необходимости функционирования сообщества, их вмещающего, а также существующих здесь режима и правительства. Более или менее значительные «усилия» по индоктринации предпринимаются «каждой новой политической системой» (см. Б. 125).

Поддержка, возникающая в итоге применения политизационных средств, именована Д. Истоном «рассеянной» (Б. 124). Она «имеет тенденцию быть относительно... независимой от превратностей повседневных результатов» (А. 399), производимых правительством.

«Никакая система не могла бы существовать очень долго, — считал этот ученый, — если бы она не стремилась создавать запас» рассеянной поддержки у своих членов. Такой резерв «часто описывается как патриотизм, любовь к стране, верность и тому подобное» (см. И. 125).

При наличии упомянутого запаса наблюдается закономерность. «Какие бы обиды член ни выражал» (Р. 126) при переживаемых в определенное время «специфических испытаниях и несчастьях или расстройствах желаний» (Р. 125), он «может, тем не менее, оставаться по существу преданным системе» (Р. 126).

Эта верность способна выражаться в сознании отмеченного лица в форме специфического убеждения. Суть последнего такова. Существующая политическая система считается той, которая должна устанавливаться правом, или «законной» (А. 399). Отсюда ее трансформация воспринимается человеком, имеющим указанное убеждение, в качестве неправомерной.

Рассеянная «поддержка, опирающаяся на ощущение законности правительства и режима» (А. 399), помогает политической системе «выдержать... частые бури, когда... результаты» этой социальной целостности «навязывают» членам «большие лишения, чем награды» (см. Р. 125). Такая помощь является весомой.

По крайней мере, в пользу последнего заключения свидетельствуют итоги «эмпирического наблюдения». Согласно им «в тех примерах, где политические системы продолжали существовать дольше всего, поддержка питалась прочно укоренившейся верой в законность соответствующих правительств и режимов» (см. А. 399).

Чтобы справиться с давлением от требований и сокращения поддерживающего поведения, властям необходимо получать вполне определенный «класс информации» об объекте их управленческого воздействия. Как заметил Д. Истон, правительство должно «знать условия, существующие в окружении, а также в самой системе». Только обладая сведениями указанной разновидности, власти «могли бы... предвидеть... обстоятельства», которые порождают давление, и предпринять действия, его предотвращающие. Причем «временами является обязательным принятие таких предупреждающих мер» (см. Р. 128).

Из информации об упомянутых условиях, прежде всего, следует получать сведения о степени поддержки системы членами «и о требованиях, выражаемых, по крайней мере, политически влиятельными» лицами. В частности, правительству нужно знать, являются ли его подчиненные «покорными режиму и солидарными с... сообществом либо находятся на грани восстания против» (см. Б. 128) существующего порядка.

Властям также необходимо иметь полную информацию об эффективности своей работы. По выражению Д. Истона, правительству следует «осознавать степень, в которой его... результаты привели к достижению реализуемых целей» политической системы. В противном случае власти не «были бы способны» эффективно действовать «посредством приспособливания, видоизменения или исправления предшествующих постановлений, включая неудачу в принятии решения» (см. Р. 129).

Для получения перечисленных сведений правительству нужно надлежащим образом организовать обратную связь. В частности, необходимо позаботиться о создании «накопительных банков памяти, в которых запасается прошлый опыт», и о формулировании правил, определяющих использование данных из таких хранилищ (см. Р. 130). Требуется также обеспечить «непрерывное течение информации... к властям» (Р. 129), руководствуясь при этом следующим очевидным фактом: «Все, что способствует задержанию, искажению или прерыванию течения информации к властям, вредит их способности принимать меры... для... обеспечения живучести системы» (С. 152).

Наконец, при устройстве обратной связи необходимо добиться выполнения еще одного требования. Она должна давать возможность правительству верно отвечать на следующие вопросы. «Какой класс информации типично возвращается... по петле обратной связи?» Насколько «эти сведения являются точными»? Как «задержки и промежутки времени между двумя непосредственно связанными явлениями, количество каналов обратной связи, длина их как ремней передачи, а также разнообразие указанных путей влияют на тип информации, вернувшейся» к правительству? «В какой степени точность зависит от органов восприятия властей и от способа, которым на эти органы могут влиять идеология, предубеждение, безразличие или неумение получать и понимать сведения?» (См. Р. 130.)

Однако устройство обратной связи, учитывающее приведенные требования, все же не гарантирует успеха в борьбе с давлением от рассматриваемых обращений к правительству и сокращающейся поддержки. Такой итог зачастую

оказывается недостижимым даже при получении властями точных и полных сведений.

Причины, по Д. Истону, могут быть разными. Скажем, этой «отсутствие воли использовать упомянутую информацию», и «неимение ресурсов» для реализации указанного дела, и проявленные при его выполнении «недостаточные мудрость и умения». Впрочем, возможен одновременный «вклад» (см. Р. 130) всех или части перечисленных факторов в провал усилий политической системы по борьбе с отмеченным давлением.

В предшествующем изложении почти не упоминалось о государстве. Это не случайно. Согласно взглядам Д. Истона, существует ограничение относительно использования указанного понятия при системном исследовании явлений политики.

Такое познание предполагает, что термин «государство» обоснованно может служить «для опознания» двух объектов. Во-первых, речь идет об общественной политической системе, выступающей субъектом международных отношений. Во-вторых, имеется в виду «сокращение для идеи нации-государства» (см. РБВЗ. 304). Выделенное представление «возникло с ростом национальных политических соединений и усилило это развитие» (Р8В8. 321).

Вместе с тем термин «государство» неуместно употреблять при научных рассуждениях о «внутренних делах международных единиц» (РБВЗ. 304), являющихся субъектами внешнеполитических связей. По словам Д. Истона, «серьезная приверженность изучению политики как системы поведения... оспаривается» при теоретизировании с использованием понятия государства (см. РБВБ. 303) применительно к этому объекту.

Отмеченное ограничение вызвано двумя обстоятельствами. Прежде всего сюда относится «неясный смысл» (РЗВБ. 321) термина «государство» в научных рассуждениях о внутренней политике (см. РЭВБ. 303, 307, 317—318, 320). Указанным образом это слово применяется учеными «несколько сотен лет». Но сформулированные за столь продолжительное время «сто сорок или

больше определений» (см. Р8В8. 307) государства так и не выявили точно реальность, которую анализируемый термин обозначает в «сфере внутренней политики» (Р8В8. 304). Скажем, непонятно, включает упомянутая действительность только содержание, ранее опознанное как власти, или вдобавок иные объекты, и если да, то какие? (См. РБВБ. 308—309, 317.)

Однако до ответа на поставленный вопрос о государстве этот термин выступает не только неясным. Пока реальность, которую рассматриваемое слово обозначает, не установлена, налицо его «бессодержательность» (РБВБ. 321).

Второе обстоятельство, обуславливающее неуместность использования термина «государство» в научных рассуждениях о внутренней политике, вытекает из первого. Здесь подразумевается следующее. Неизбежны «трудности при... применении» (РБВБ. 321) неясного и, следовательно, бессодержательного термина. Причем они имеют такой характер, что способны привести к расстройству отмеченного дела.

Вот почему в сфере внутренней политики при стремлении «к более точному» (РБВБ. 322) теоретическому и «эмпирическому» (РБВБ. 321) познанию и необходимости вести «прикладное исследование» требуется не только «подвергнуть сомнению... адекватность» отражаемому объекту «и операционный потенциал идеи государства». Нужно попытаться обойтись совсем без этого представления. Только таким путем в указанной области может быть достигнуто «непрерывное эмпирическое и теоретическое исследование самого высокого качества» (см. РБВБ. 322).

Д. Истон осуществил выделенные требования. «Идея политической системы была сознательно развита» им «в пятидесятые годы XX века в качестве средства избежания непреодолимых неясностей» (см. РБВБ. 303) термина «государство». Упомянутое новое теоретическое представление нацеливалось на «переориентацию... мышления» о внутренней «политике в более обеспечивающем исследовании эмпирическом направлении» (см. РБВБ. 304) по сравнению с положением, существовавшим до введения этого ранее неизвестного орудия познания.

Причем ученый придерживался вполне определенного убеждения о сфере применения термина, созданного для реализации отмеченных стремлений. По мнению Д. Истона, «как понятие политическая система имеет способность делать именно то, что» выполняет категория «государство, если не больше» (см. РБВБ. 318).

2.2. О предмете политологии

Таковым, полагал этот исследователь, является поведение «в обществе... более или менее прямо» (Р. 134) связанное с «созданием и исполнением обязательных решений» (Р. 78) для выделенного социального целого (см. также А. 384). Именно указанным образом в рассматриваемом концептуальном построении определена политическая система (см. Р. 134; А. 385).

Она, с точки зрения Д. Истона, «выступает в качестве компонента» общества. Однако в последнем присутствуют и «наборы поведения», которые нельзя именовать политическими. Это, «например, экономика, культура, социальный строй» (см. С. 147, а также К. 97—98). Такого рода неполитическое поведение в обществе не охватывается предметом политологии.

Приведенная идея Д. Истона едва ли приемлема. Прежде всего, она противоречит присутствующей с древнейших времен до современности традиции понимания области исследования политической науки.

Упомянутая традиционная трактовка предполагает совершенно определенную вещь. Анализируемая отрасль знания изучает человеческую деятельность без каких-либо исключений в границах того, что Н. Макиавелли назвал государством (см.: *Аристотель*. Политика. М., 1893. С. 163—164; *Аристотель*. Этика. СПб., 1908. С. 4; *Кравченко А. И.* Политология. М., 2007. С. 181; *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М., 2001. С. 84—85; Теория государства и права / под ред. *В. М. Корельского* и *В. Д. Перевалова*. М., 2002. С. 52; История политических и правовых учений / под ред. *О. Э. Лейста*. М., 2002. С. 658). Речь идет о поведении в пределах «общества людей... которое

имеет в себе достаточно сил для удовлетворения всех потребностей своей жизни» (*Аристотель*. Политика. М., 1893. С. 163—164). Как отмечалось, обсуждаемую реальность, традиционно выступающую предметом политического познания, Д. Истон именовал не государством. Она определена им в качестве общества.

Эта действительность, согласно взглядам Аристотеля — выдающегося выразителя выделенной традиции, есть совокупность всех форм общения или поведения людей друг относительно друга в границах, которые позднее были названы государственными. Причем указанный комплекс как целое и, следовательно, любой его компонент следует рассматривать политическим. Скажем, об этом Аристотель писал в сочинении «Политика». По его словам, «всякое государство (именно приведенный термин использует переводчик с древнегреческого языка. — С. Д.) представляет собою некоторую форму общежития, а всякое общежитие состоятельно только ввиду какого-либо блага... Итак, если общежитие во всех своих формах стремится к какому-либо благу, то наилучшее из всех благ имеет в виду та форма, которая... все другие собой обнимает. А это та форма, которая называется государством, — форма политического общежития» (*Аристотель*. Политика. М., 1893. С. 1).

Мысль идентичного содержания, только выраженная более ясно, сформулирована Аристотелем и в труде «Этика». Здесь он счел нужным заметить о совокупности актов поведения человеческих индивидов в границах государства следующее: «Все общения суть части государственного (как выразился переводчик. — С.Д.) общения» (*Аристотель*. Этика. СПб., 1908. С. 157).

Правда, Аристотель и его последователи, считая, что наука о политике призвана изучать целиком комплекс деятельности людей друг относительно друга в указанных пределах, могли ошибаться. В таком случае, если Д. Истон подразумеваемую ошибку заметил и исправил, то нужно согласиться с итогами этой работы. Причем упомянутые результаты способны включать два заключения. Согласно первому предметом политологии выступает лишь часть общества, а именно «политическая система» (Р. 55). Второе формули-

руется иначе: в обществе существуют неполитические формы взаимодействия людей.

Однако ошибку сделал, скорее всего, не Аристотель, а Д. Истон. В самом деле, по убеждению второго, политическая наука призвана обеспечивать создание и проведение в жизнь обязательных решений для общества, чтобы, как было отмечено ранее, добиться выживания этого социального целого. Но выработать и реализовать указанные постановления, способные помочь в достижении выделенной цели, невозможно без познания того, для чего они предназначены. Нельзя создать и применить действенные средства сохранения объекта, когда свойства последнего неизвестны. Вот почему лишь установление закономерностей функционирования общества позволит при учете таковых в обязательных решениях для этого социального организма гарантировать выживание рассматриваемой целостности.

Следовательно, разделяемое Д. Истоном представление о призвании политической науки с необходимостью предполагает точные границы ее предмета. Политология должна изучать все общество в трактовке отмеченного ученого. Имеется в виду жизнь людей в конкретных политических границах, взятая полностью. При познании ее части упомянутые закономерности не выявить. Например, подразумеваются те, которые изложены Аристотелем в формулах распределяющей и уравнивающей справедливости (см. *Аристотель. Этика*. СПб., 1908. С. 86—95). Отсюда и обязательные решения, обеспечивающие выживание общества, невозможно ни создать, ни осуществить.

Реальность, выступающая, по учению Д. Истона, предметом политологии, изучается не только ею. Как известно, поведенческие акты, которые «более или менее прямо связаны с созданием» и осуществлением «обязательных решений для общества» (см. А. 385), познаются и юриспруденцией. Для правоведения отмеченные постановления есть либо формальные источники права, где содержатся юридические нормы; либо акты реализации таких правил. Поэтому предметы политологии и юриспруденции, если судить по определению первого, данному Д. Истоном, совпадают.

Сформулированное заключение позволяет утверждать, что содержание излагаемой теории Д. Истона способно помочь юристам в исследовании сферы их профессионального интереса. В частности, речь идет об установлении исторических рамок функционирования явлений, которые призваны изучать правоведы.

В предмет политологии Д. Истон включил все человеческие общества прошлого и современности (см. С. 148). Им имелось в виду, что в каждом таком социальном целом указанная наука должна изучать часть взаимодействий людей. При этом не были забыты и самые примитивные общества — локальные группы кочующих охотников-собирателей (см. Р. 56, 80).

Причина данной Д. Истоном трактовки предмета политологии тривиальна. Как демонстрируют собранные им данные, в любом обществе присутствуют политические явления. Подразумевается вынесение и проведение в жизнь обязательных решений для упомянутого коллектива (см. С. 148).

Юрист в состоянии истолковать приведенный вывод об исторических рамках политических исследований для своих профессиональных целей. При таком толковании анализируемое заключение сводится к следующему. Предмет юриспруденции не может не включать поведение из всех человеческих обществ прошлого и настоящего.

Причина обоснованности этого суждения является не менее очевидной, чем та, которой аргументирован обсуждаемый вывод Д. Истона. В любом человеческом обществе прошлого и современности функционирует правовое регулирование. Естественно, что указанное упорядочение должно быть исследовано юридической наукой.

2.3. О развитии политологии в США в конце XIX—XX в.

В 1985 г. Д. Истон разделил эволюцию исследований в политологии на «четыре основные стадии — формально-правовую, традиционную, бихевио-

ральную, или поведенческую, и послебихевиоральную» (Р. 151). По его мнению, названные этапы сменяли друг друга в отмеченном порядке.

Для первой из этих стадий характерно убеждение политологов, согласно которому реальность, именованная Д. Истоном политической системой, «составлена из формальных или юридических структур с обслуживающей... деятельностью» (Е. 32). Причем «изучающие политику предполагали наличие разумно точного соответствия между тем, что в конституциях и законах написано о правах и привилегиях должностных лиц, и реальным поведением упомянутых чиновников». Иными словами, при познании юридических норм о «распределении... в политической системе» властных полномочий «непрерывно приобретает верное понимание» способа ее функционирования (см. Р. 134).

Ко второму десятилетию XX в. большинство политологов утратили упомянутое убеждение. Вдобавок они обыкновенно обнаруживали разницу между правовым и фактическим положением должностных лиц в политической системе (см. Р. 134). Причиной выступило открытие «богатой совокупности неформальных действий» (Р. 136), посредством которых создаются и осуществляются обязательные решения для общества. В частности, впечатляющие по объему массивы непредусмотренного правом поведения по формированию и реализации таких постановлений были обнаружены в разнообразных социальных группах (см. Р. 134—135). Сюда относятся, например, «неформальные комитеты... легислатур и... политические партии» (Р. 134).

Такого рода «находки ввели новую стадию развития политологии», а именно традиционную. Указанный этап продолжался с 20-х до 40-х гг. XX столетия (см. Р. 135, 137). В это время политологи изучали, кроме упомянутых юридических структур и деятельности, многообразные виды неформального поведения по созданию и реализации обязательных решений для общества. При этом ученые применяли ранее рассмотренный равновесный анализ интересующих их объектов (см. Г. 32; Р. 135). Правда, «большой частью эта теория

равновесия» прямо не формулировалась исследователями. Обычно она «оставалась лишь в скрытом состоянии в литературе» (см. Р. 135).

Только что приведенный факт, отмечал Д. Истон, отнюдь не был случайным. «Методологически в этот традиционный период больше внимания уделялось простому описанию и сбору информации о политических процессах, чем общим теориям о том, как они функционируют» (Р. 135).

В рамках политологии в анализируемое время преподавалось немало учебных курсов. Скажем, в Гарвардском университете соответствующий перечень включал «историю политической мысли, муниципальную или местную политику, конституционное право, внешнюю политику, правительственное регулирование промышленности, заинтересованные или давящие группы, международные отношения, формы правления конкретных зарубежных стран, а также создание законов в Конгрессе США» (Р. 136).

Вместе с тем, по мнению Д. Истона, изучавшего в традиционный период указанные дисциплины, «теоретическая согласованность» перечисленных учебных курсов оставляла желать лучшего. Буквально ученый высказался по этому поводу так:

«Я не получил никакого ощущения базы, исходя из которой мог бы доказывать, что политическая наука составляет упорядоченную совокупность результатов познания. Отсутствовал теоретический остов, куда возможно было бы поместить выделенные курсы или же позволявший проверить их уместность» (см. Р. 136).

В традиционный период содержание вырабатываемого политологами знания во многих случаях не являлось достаточно ясным. Например, «заявления относительно должного и действительности часто было почти невозможно отделить». Другими словами, сложилось неприемлемое для науки положение, когда, по выражению Д. Истона, «факты и ценности разрушали друг друга». Однако в такой ситуации методы политического исследования «не считались сомнительными, то есть как сфера, требующая особого внимания или уме-

ний». Предполагалось, что каждый ученый «хорошо снаряжен собирать и анализировать информацию о политике» (см. Р. 136).

Эта теоретическая позиция при реализации на практике привела к двум фактам. Первый из них заключается в следующем. В политологии «немногое использовалось в качестве специальных методов для сбора данных или... анализа» упомянутой информации. Второй факт выражается в том, что «отсутствовали формальные или точно определенные методы для проверки достоверности приобретенных сведений... и интерпретаций, основанных на отмеченных данных» (см. Р. 136).

После Второй мировой войны в политических исследованиях в США случилась «так называемая бихевиоральная революция, которая быстро распространилась на многие другие части мира». Как заметил Д. Истон, «без сомнения, это есть главное изменение, имевшее место в западной политологии» (см. Р. 137) в XX в. Указанное преобразование составило новый этап развития политической науки в США, продолжавшийся до 60-х гг. упомянутого столетия (см. Р. 139, 141).

Бихевиоральная стадия рассматриваемой эволюции имела ряд отличительных черт. Прежде всего, политологи сосредоточивали свои основные усилия на познании и объяснении процессов человеческого поведения «как подходящем источнике» нужной для них информации. Причем предполагалось, что в деятельности людей «имеются... единообразия», которые возможно обнаружить, а также «подтвердить эмпирическими проверками» (см. Р. 137).

В характеризуемый период по сравнению с двумя предыдущими политологи «демонстрировали желание большей точности в методах для приобретения и анализа сведений» (Р. 137). Такое стремление привело к очевидному последствию. В 50-е и 60-е гг. XX столетия в политической науке США, по словам Д. Истона, «методы... стали сомнительными. Они не могли больше рассматриваться само собой разумеющимися. Курсы и книги о методах для приобретения и анализа данных стали общим местом» (Р. 137—138). Вдобавок господствовала теоретическая позиция, согласно которой способы исследова-

ния, «основанные на методологии естественных наук, являются подходящими для изучения» (Р. 137) политических явлений. Отсюда везде в политологии, где было возможно, предпринималось «определение количества» (Р. 138).

В итоге в бихевиоральный период политическая наука стала в значительной степени насыщенной математикой, а также «сведущей в использовании громадной массы... сложных эмпирических технических приемов». В частности, имеется в виду применение для познания «анкет, интервью, отбора образцов, анализа движущих сил и возвращения в прежнее состояние», а также «моделирования в соответствии с поставленной целью» (см. Р. 138).

Набор имеющихся научных методов служил в большей мере для создания «фундаментальной или чистой теории» политических явлений, чем нуждам «прикладного исследования». Причем сосредоточенность ученых на теоретическом познании не позволяла им в широких масштабах заниматься проблемами «социального преобразования». Такая направленность усилий исследователей объяснялась очевидным доводом. «Задача ученого-обществоведа состоит в приобретении фундаментального понимания и объяснения». Лишь потом «возможно с уверенностью применять» выработанные идеи «к решению настоятельных социальных проблем». Иными словами, «понимание и объяснение политического поведения логически предшествуют использованию знания» (см. Р. 139) на практике.

Отмеченная ориентация научного исследования привела к созданию концепций, отражающих предмет политологии как частично, так и полностью. Среди них присутствовали «теории среднего радиуса действия», каждая из которых интерпретировала в своих категориях «большую часть» указанной реальности. Примером может служить концепция «демократических систем» (см. Р. 138).

Что касается сформулированных в анализируемый период «общих теорий» политики, то Д. Истон выделил две такие концептуальные модели. Их ученый определил как «главные» для бихевиоральной политологии в США. Речь

идет о «структурно-функциональной теории и системном анализе» (см. Р. 138).

Созданные в рассматриваемое время в политической науке Соединенных Штатов концепции обыкновенно являлись «эмпирически ориентированными» (Р. 138). Имеется в виду направленность на реализацию нужд практики. Так, в предшествующем изложении это продемонстрировано относительно теории системного анализа. Упомянутое концептуальное построение, как отмечено, нацелено на обеспечение выживания политической системы и общества, в котором она функционирует.

Одновременно теории, отражающие предмет политологии и частично, и полностью, почти всегда являли собой «результат эмпирического научного исследования». Это означает, что указанные концепции, как правило, состояли «из обобщений о поведении, которые вытекают из наблюдений» (см. Р. 146). Так обстояли дела отнюдь не случайно. В обсуждаемое время ученые чаще всего принимали в качестве верного представление об «идеальном продукте» (Р. 148) научного познания, выработанное, по словам Д. Истона, «Венским кружком позитивистов» (Р. 138) второго десятилетия XX столетия. Подразумевается понимание этого результата как «основанной на аксиомах... совокупности утверждений». Она является итогом «объективных наблюдений» и может быть «в конечном счёте, формализована... через использование математики» (см. Р. 148).

Бихевиоральная стадия развития политологии в США обладала еще одной отличительной чертой. Зачастую ученые полагали, что «ценности исследователя и общества» (Р. 138), понимаемые в качестве «простых... предпочтений» (Р. 147) этих индивида и множества людей, «могли быть в значительной степени исключены из процесса» научного познания. «Этическая оценка», скажем, исходя из категорий человеческого достоинства, справедливости, а также гуманности, «и эмпирическое объяснение» обычно рассматривались политологами «как предполагающие два различных сорта утверждений, которые ясность требует... держать... отдельными... друг от друга» (см. Р. 138).

Причем «в разгаре бихевиоральной стадии господствующая точка зрения» среди ученых по вопросу о роли в познании человеческих предпочтений представляла собой применение к политологии идеи о должном характере всякого научного изучения, развитой упомянутым Венским кружком позитивистов в начале XX в. Выделенная доминирующая теоретическая позиция сводилась к заявлению. В политической науке «является возможным свободное от ценностей», как, например, справедливости и равенства, т. е. «ценностно-нейтральное исследование» (см. Р. 138).

Естественно, что политологи, разделявшие это суждение, стремились реализовать предполагаемую им возможность в своих сочинениях. Вот почему для большинства ученых исследование связи политики с человеческими ценностями, в том числе перечисленными, «отступало далеко на задний план в очередности интересных вещей, которые следует делать» (Р. 139).

В политологии США на анализируемом этапе развития воздействие «общественных сил на решения... политических учреждений» рассматривалось как в большой степени «нерациональный процесс» (см. Р. 146). Иными словами, наблюдался факт. При «озабоченности» политологами «общественными силами как фактором, определяющим» (см. Р. 150) политику, отчасти игнорировалось очевидное обстоятельство. Массовое человеческое поведение не менее рационально, чем индивидуальное.

В такой ситуации ясно, что если не только во втором, но и в первом не выявлять «разумные... элементы» (Р. 150) или «компоненты» (Р. 146), то подобного рода бездействие приведет к вполне определенному результату. Окажется невозможным верно понять воздействие массового социального поведения на политику.

В обсуждаемое время ученые-антропологи предприняли немалые усилия для изучения политических процессов и учреждений в примитивных человеческих обществах. В итоге была создана новая научная дисциплина. Речь идет о политической антропологии (см. Р. 56; История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М., 2002. С. 660). Однако бихевиоральная

стадия развития политологии в США отличалась почти «полным забвением об истории» феноменов политики, которая, как известно, определяет «нынешнее состояние» (см. Р. 150) этих явлений.

На рассматриваемом этапе эволюции политическая наука базировалась только на методологическом фундаменте «буржуазного либерализма» (Р. 142) или «либерально-консервативной» идеологии. «Критическое общественное мышление едва не исчезло в Соединенных Штатах», а вместе с ним и отражение в политологии «идеологического конфликта». Причину такого положения далеко искать не приходится. «Соперничающие» с либерализмом «идеологии... функционировали подпольно» (см. Р. 140). Имеется в виду прежде всего марксизм (см. Р. 144).

В пятом и шестом десятилетиях XX в. в политологических исследованиях в США господствовала теория системного анализа Д. Истона (см. Р. 143—144). Свойственные ей категории, которые ранее описаны, широко использовались учеными. Причем эти понятия обычно предпочитались иным. Например, из рассуждений политологов о внутренней политике была едва не вытеснена категория государства. Названное понятие ученые почти всегда заменяли другим. Эти исследователи применяли категорию политической системы, введенную в науку автором указанной доминирующей концепции (см. РЗВБ. 303—304, 321, 324).

Согласно взглядам Д. Истона, бихевиоральная революция в США «явилась продуктом ряда сложных тенденций». Прежде всего «она была частью естественной эволюции рассматриваемой отрасли знания». Как заметил ученый, «здравый смысл... традиционной политической науки... просто исчерпал себя. Развивающееся массовое индустриализованное общество не могло справиться со своими социальными проблемами при той степени ненадежности, которая была характерна для объяснений, даваемых» исследователями. «Слишком много затруднений в понимании... учреждений и процессов оставались непреодоленными» (см. Р. 139).

Вместе с тем «познавательные успехи естественных наук» и некоторых отраслей обществоведения, скажем психологии, предлагали альтернативу традиционному политическому познанию. Она означала наряду с другими вещами применение «более точных методов сбора и анализа данных» по сравнению со способами, используемыми политологами. Политическая наука воспользовалась упомянутым положительным опытом других отраслей знания. В результате в ней произошли охарактеризованные изменения, названные бихевиоральной революцией. В частности, в политологии «технические умения заняли место простого описания и методов здравого смысла» (см. Р. 139).

Отмеченную революцию «поощряли» и тенденции, не вытекающие из нужд научного познания. Так, «в период холодной войны в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом», особенно во время вооруженного конфликта в Корее 1950—1953 гг., американский сенатор Дж. Маккарти «организовал и возглавил царствование психологического и правового террора против» критически мыслящих людей в США, в том числе «либералов». Причем «ученые выбирались как особенно уязвимые цели для атаки» (см. Р. 139).

В этих условиях «объективное, нейтральное или свободное от ценностей изучение представляло собой защитительную позу» для исследователей. «Оно предлагало им интеллектуально законные и полезные основания для избежания опасностей открытого политического спора» (см. Р. 140) и потому предпочиталось многими политологами. Вдобавок ученые отдавали себе отчет в том, что такого конфликта легче не допустить, если заниматься фундаментальными, а не прикладными научными проблемами (см. Р. 140). Это обстоятельство склоняло политологов браться за первый, а не за второй из указанных видов познавательной деятельности.

Таким образом, маккартизм способствовал генезису двух из выделенных отличительных черт бихевиоральной стадии политической науки в США. Другое дело, что он, разумеется, был всего лишь «историческим случаем», влия-

ющим на эволюцию политологии в конкретных обстоятельствах места и времени (см. Р. 140).

Упомянутая сосредоточенность ученых на теоретическом познании и вытекающее отсюда меньшее внимание этих исследователей к проблемам социального преобразования, характерные для бихевиорального этапа развития политической науки, поощрялись еще одной тенденцией, внешней для обсуждаемой отрасли знания. Речь идет о процветании в США после Второй мировой войны, которое продолжалось до конца 60-х гг. XX столетия (см. Р. 140).

Как известно, свойственный этому периоду «быстрый экономический рост предлагал материальные выгоды всем слоям населения, даже самым бедным» (Р. 140). Отсюда было мало недовольных, желающих изменить политический строй. Между прочим, так обстояли дела и среди ученых.

Этот фактор, полагал Д. Истон, нельзя сбрасывать со счетов в качестве одной из причин того, почему политология отчасти отвернулась от ряда практических «социальных проблем как источника вдохновения для своего исследования» (Р. 140) и стала преимущественно заниматься «укреплением собственных научных основ» (Р. 141). Причем, если использовать распространенное среди ученых выражение, то анализируемое изменение имело «внешний вид» ее частичного «ухода из общества в башню из слоновой кости» (см. Р. 140) чистой или фундаментальной теории, не проявляющей интереса к «критике» (Р. 141) и «преобразованию» (Р. 139) социального строя.

Послебихевиоральный этап развития политической науки в США, считал Д. Истон, «начался в шестом десятилетии XX века». Отмеченная стадия «все еще продолжалась» (см. Р. 141) в 1985 г., когда этот исследователь о ней писал. Вот почему Д. Истон тогда сформулировал заключение: «Пройдет некоторое время перед тем, как определенное заявление может быть сделано» об отличии «в конечном счете» послебихевиорального этапа эволюции политологии от предыдущего. «Однако, — по его словам, — одна вещь является ясной» уже сейчас, т. е. в 1985 г. «Послебихевиоральное состояние возникло»

(см. Р. 150) по причине «глубокой неудовлетворенности результатами бихевиорализма» (Р. 141).

Д. Истон имел в виду следующее. «В конце шестидесятых и начале семидесятых годов XX столетия» ко многим людям в США пришло «понимание... опасностей быстрой и нерегулируемой индустриализации, этнической и половой дискриминации, мировой бедности и ядерной войны» (см. Р. 141). Не меньшую озабоченность в широких кругах американцев вызывали угрозы благополучию человечества, коренящиеся в «сосредоточении общественной и политической власти» у отдельных лиц, а также в социальном неравенстве и «экологических» (см. Р8ВБ. 317) неурядицах.

В такой ситуации возникло обсуждение того, почему представители политической науки либо не предвидели указанные опасности, либо «ничего не сделали» для предотвращения выделенных напастей. Результатом происшедших «широких дебатов» стало возложение ответственности за отмеченные грехи на политологию, которая, мол, «ушла» от общественных проблем в упомянутую «башню из слоновой кости» (см. Р. 142) чистых теоретических изысканий и совершила ряд других ошибок (см. Р. 150). Вдобавок появились идеи о направлениях совершенствования политологических исследований, иными словами, «о том, чем политологии следует быть» (Р. 142).

Эти представления реализовывались на практике в послебихевиоральный период развития политической науки в США. Он по своему характеру представлял собой, согласно взглядам Д. Истона, «революцию» (Р. 141) или «перестройку» (Р. 144) в исследовании.

Прежде всего, политология «сделала» огромный «вклад своих ресурсов в применение знания». Это выразилось «в быстром и широко распространенном росте так называемого движения политического анализа. Буквально сотни научных учреждений возникли не только для понимания способа, которым курсы политики создаются и проводятся в жизнь, но и для формулирования альтернатив таким направлениям усилий, чтобы помочь решать насто-

ятельные социальные проблемы, с которыми сталкиваются все общества» (см. Р. 145).

Притом организации, входящие в упомянутое движение, «типично оказались построенными для междисциплинарных перечней исследуемых» вопросов. «Этим путем, — заметил Д. Истон, — изучение политики... пробудило надежду... на объединение общественных наук, по крайней мере, в применении выработанного ими знания» (см. Р. 145).

Однако шаги к интеграции отраслей обществоведения были сделаны не только в выделенной сфере. Так, в характеризующее время в теоретических политологических разработках в США появилась область политической экономии (см. Р. 145— 146). Правда, подобное уже происходило в политологии. Скажем, речь идет о создании Д. С. Миллем во второй половине XIX в. сочинения, которое он «точно назвал политической экономией». Как известно, тогда же работы по этой проблематике были написаны и К. Марксом (см. Р. 145— 146).

Послебихевиоральному периоду свойственна еще одна особенность. Немало ученых обратилось к исследованию «рационального компонента» в массовом и индивидуальном политическом поведении. Предпосылкой отмеченного изучения выступило признание верности, по крайней мере, одного из двух представлений. В упомянутых сферах в большинстве случаев «люди действуют рационально или... возможно лучше понять человеческое поведение при принятии «такой разумности в качестве предположения» (см. Р. 146).

Продуктом анализируемого направления научного поиска явились теоретические «модели». В них содержатся идеи «о том, как индивидуумы вели бы себя», могли «или должны были бы это делать при меняющихся обстоятельствах, если бы рассматриваемые лица поступали разумно» (см. Р. 146). Указанное «рациональное моделирование» стало использоваться в разных «сферах политического исследования». Например, имеется в виду «применение подхода разумного деятеля в области избирательного поведения» (см. Р. 147).

Между прочим, по словам Д. Истона, «рациональное моделирование вдохнуло новую жизнь» (Р. 146) в исследование политологией человеческих ценностей в их связи с политикой. В частности, выделенный теоретический подход разумного деятеля был положен в основу методологии при создании «теорий о равенстве, свободе», а также «справедливости» (см. Р. 147).

На рассматриваемом этапе развития политологии в США среди занятых ею ученых «мало людей продолжали верить в ценностную нейтральность науки. То, что научные понятия нагружены ценностями», многие исследователи уже не отрицали. Правда, с их точки зрения, «это не делает недействительным поиск объективного знания и понимания» (см. Р. 147).

Вдобавок в анализируемый период была выдвинута идея, согласно которой признание политологии в США нейтральной в указанном отношении «возможно только» по одной причине. Эта наука «приняла идеологическую окраску... буржуазного либерализма... и существующей властной структуры» (см. Р. 142).

Причем отсюда были сделаны два вывода. Во-первых, подразумеваемая выделенной нейтральностью «претензия наложную объективность» политологии «служит интересам совокупности основ и устоев государственного и социального строя». Во-вторых, такое притязание «оправдывает или извиняет уход» политологов «от участия в социальных разногласиях, отвлекает» научное «исследование от срочных общественных проблем и таким образом позволяет... существующему положению» в США «оставаться без критики» (см. Р. 142) со стороны знатоков политической науки.

Сама она в этой стране в рассматриваемое время перестала базироваться исключительно на методологии буржуазного либерализма (см. Р. 144—145). Часть политологических исследований стала «марксистской по характеру». Причем введение в политическую науку марксизма «принесло» с собой «осознание» политологами «значимости» постижения ими «истории» феноменов политики, равно как и познания «общественных классов и идеологии» (см. Р. 145).

В политологии США на послебихевиоральной стадии развития теория системного анализа Д. Истона перестала быть «господствующей» (Р. 143). Вот почему, в частности, понятие государства стало широко использоваться в научных рассуждениях о внутренней политике, несмотря на усилия упомянутого ученого не допустить этого (см. РЗВБ. 304, 317—318, 321 — 322).

Впрочем, указанная «антигосударственная», если можно так выразиться, деятельность Д. Истона едва ли имела шансы на успех. Ее обреченность на неудачу можно показать довольно просто.

Уже отмечалось, что этот мыслитель заменил слово «государство» на выражение «политическая система», руководствуясь вполне определенным убеждением. Суть последнего такова. Как понятие политическая система имеет способность делать именно то, что выполняет категория «государство».

Выделенная убежденность могла бы быть оправданной при следующем условии. Слово «государство» и выражение «политическая система» обозначают одну и ту же реальность. Однако дела обстоят по-другому. Название «государство» и наименование «политическая система» обозначают разные вещи. Эти объекты реальности соотносятся как целое и его часть, о чем уже упоминалось. Отсюда ясен вывод. Понятие, обозначающее часть, не может иметь те же самые функции, какими обладает категория, отображающая целое. По этой причине верно заявление: политическая система как часть не в состоянии заменить целое, т. е. государство, при выполнении им своих функций.

Не случайно Д. Истон сам отметил следующий факт: «Движение политического анализа семидесятых и восьмидесятых годов XX века нашло в идее государства... представление для опознания удобным способом источника конкретной направленности усилий в политике» (РЗВБ. 306). Таковой оно не могло обнаружить в реальности, обозначаемой иначе. Речь идет о политической системе.

В самом деле, «идея государства имеет резко выраженную простоту насчет упомянутого источника. Она дает внешний вид единственной, легко опозна-

ваемой целостности тому, что формулирует и проводит в жизнь политические курсы». Вдобавок «эта идея сообщает дополнительную законность обсуждаемым направлениям усилий в политике. Ведь государство, как представляется, включает в себе большее, чем именно государственные органы. Следовательно, исследователи», используя упомянутую идею, могут «делать успехи в работе по установлению определяющих факторов и последствий политических курсов» (см. РБВЗ. 306) в пределах специфической реальности. Эту действительность Д. Истон именовал обществом. Но она называется государством согласно ранее отмеченной традиционной трактовке последнего. Потеря господства в политологии США теории системного анализа Д. Истона не привела к прекращению употребления выражения «политическая система» в профессиональной речи учеными, в целом не разделяющими эту концепцию. Наблюдался иной факт.

Среди политологов-марксистов появилась точка зрения, по которой под государством понимается то, что Д. Истон именовал властями (см. РБВБ. 318—319). Одновременно, согласно излагаемому воззрению, «понятие политической системы» используется «как самая широкая категория для опознания» явлений «политики» (см. РБВБ. 318) в обществе. Причем последнее определяется в соответствии с представлениями этого мыслителя. Иными словами, излагаемая теоретическая позиция в политологии США сводится к следующему. «Политическая жизнь» рассматривается «в качестве системы, внутри которой государство... есть подсистема. И выделенная система как целое внедрена в окружение неполитических учреждений» (см. РЗВБ. 319) и процессов в обществе.

Послебихевиоральная стадия эволюции американской политологии характеризуется продолжением познания ряда объектов, изучавшихся ранее. Скажем, это относится к «избирательному, судебному, законодательному, административному... исполнительному поведению, а также к заинтересованным группам» и «партиям». Однако в это время «возникли новые темы политического исследования, чтобы удовлетворить желание понять прежде неизвест-

ные заботы, типичные для анализируемого периода». Речь идет «например, о загрязнении окружающей среды, об этническом, расовом, общественном и половом равенстве, равно как и о ядерной войне» (см. Р. 145).

Перечисленная проблематика послебихевиоральной политологии в США укладывается в представление о предмете политологических исследований, распространявшееся в анализируемое время. Подразумевается идея, что политическая наука есть «изучение государства», в том числе и в его традиционном понимании. Последнее, как отмечено, включает всю «жизнь» (см. Р. 144) людей в обществе, трактуемом согласно взглядам Д. Истона.

Впрочем, такому постижению предмета политологических исследований соответствует традиционное представление об их цели. Имеется в виду, что политическая наука призвана наметить пути, чтобы сделать упомянутое человеческое существование «хорошей жизнью» (Р. 144). Этой цели были привержены не только основоположники политического познания в древности (см. Р. 138). И в бихевиоральной политологии США имела теоретическая позиция, по которой названная направленность политологических исследований является верной (см. Р. 144).

Отсюда вытекает заключение. Распространение в послебихевиоральное время идеи о том, что предметом политологии выступает изучение государства, создало возможность для увеличения влияния среди ученых указанной традиционной точки зрения о цели политической науки.

На обсуждаемом этапе развития политологических изысканий в США начался процесс отказа исследователей от приверженности ранее изложенному позитивистскому представлению об идеальном продукте научного познания. Такова, по мнению Д. Истона, «наиболее драматичная вещь из происходящих» (Р. 148) в политологии.

Правда, отмеченный «эталон» в середине 90-х гг. XX в. еще выступал целью в исследовании для «многих» ученых. «Это особенно верно» применительно к политологам, работавшим в областях изыскания, «где он мог быть... до-

стигнут» на практике. Например, речь идет об упомянутом «рациональном моделировании» (см. Р. 148) разных видов.

Однако в политологических исследованиях присутствовали сферы, в которых такой продукт не производился (см. Р. 148). Причем выделенные области составляли «преобладающую часть» (Р. 148) проблематики, изучаемой политологами. Скажем, так обстояли дела в общей теории политических явлений при делении их на виды (см. Р. 150).

Вместе с тем в сферах, где этот продукт не вырабатывался, ученые делали все возможное для достижения нового знания. Как заметил Д. Истон, «эти области» предмета «политической науки... подвергались тщательному исследованию благодаря использованию обычных правил логики, старательному приобретению данных, согласующемуся с научными критериями; и... сложному анализу названных сведений» (см. Р. 149).

Итоги такого познания на послебихевиоральном этапе развития политологии отнюдь не всегда оценивались исходя из предложенного позитивистами Венского кружка определения совершенного продукта науки. Эти результаты, «не соответствующие позитивистскому идеалу аксиоматизированной и математизированной совокупности утверждений», могли приниматься «в качестве интегральной части научного знания... в его идеальной форме» (см. Р. 149).

Д. Истон объяснил приведенный факт. По его словам, в рассматриваемое время «история познания в естественных науках» (Р. 150) обнаружила, что «отсутствует один неизменный класс интеллектуального продукта» (Р. 159), который возможно определить «в качестве подходящего и необходимого для достижения понимания любых данных явлений». Да и при анализе прошлого всей «научной деятельности» выявлено «разнообразие результатов изыскания», принимаемых исследователями «как полезные и нужные», а не единственный итог, предполагаемый «позитивистским толкованием» (см. Р. 150) членов Венского кружка.

Эти исторические данные подкреплены выводами «философии науки» о том, что «имеется много видов продукта, которыми ученые... оказываются довольными» (см. Р. 149), даже если упомянутые плоды трудов не выступают в качестве «формальных или математических моделей раннего позитивизма». В частности, речь идет о «системах классификации и понятийных каркасах» (см. Р. 150) в ботанике и биологии.

По убеждению Д. Истона, политологов толкает к отказу от приверженности анализируемой позитивистской модели совершенного результата научного познания простая вещь. Имеется в виду элементарная логика.

В самом деле, политология есть одна из наук. Следовательно, на нее должны распространяться общенаучные закономерности производства обсуждаемого продукта. Сам Д. Истон применил таковые к итогам политологических изысканий. Вот почему, по его мнению, «систематические классификации политических явлений или понятийные каркасы», как, например, развитый названным ученым при системном анализе политики, являются «точно таким же нормальным продуктом научного исследования, как... всякая математическая модель» (см. Р. 150).

Правда, Д. Истон считал, что и в политологии, и в других науках вывод о соответствии полученного результата познания идеалу или норме можно сделать лишь в одном случае. Это заключение верно, когда оцениваемый интеллектуальный продукт удовлетворяет нужды рассматриваемой научной дисциплины «с точки зрения точного и проверяемого понимания». Причем «если приобретенное... знание... помогает... в достижении достаточного объяснения... эмпирически обоснованного сорта, то тогда это есть самое большее, что... можно требовать от методов» всякой «науки» (см. Р. 150), включая политическую.

Согласно представлениям Д. Истона, анализируемая стадия эволюции политологии в США проходит не без проблем. Подразумеваются не унаследованные от бихевиорализма, а именно ее «собственные трудности». Так, ученые, стремясь применять «любое имеющееся знание к решению настоятельных

спорных социальных вопросов», столкнулись с немалыми сложностями. Последние обнаружились при попытках для реализации отмеченной цели «заново объединить» плоды исследования «различных сильно специализированных отраслей» обществоведения (см. Р. 151).

По поводу этой ситуации Д. Истон счел нужным заметить: «Декарт учил, что понимание требует разложения на составные части и анализа предмета. Однако применение знания к решению социальных проблем обуславливает необходимость повторной сборки специализированных результатов познания разных общественных наук». И пока политологи «находятся в затруднении относительно того, как это делать» (см. Р. 151).

Вдобавок свойственный послебихевиоральной революции сильный акцент на «применение знания» породил еще одну проблему. Выявилось явное отставание в области фундаментальных изысканий. Поэтому политологи оказались «вынужденными еще раз» размышлять о должном соотношении «между прикладным» и «чистым» (см. Р. 151) теоретическим исследованием.

Наконец, нужды дальнейшего развития политической науки США в послебихевиоральное время потребовали в возможно большей степени учесть достижения зарубежных политологов. Однако решить эту задачу оказалось очень непросто по очевидной причине. Политология, по крайней мере, каждого из ведущих государств мира использовала понятия, отличающиеся по содержанию от категорий, применяемых за рубежом. Вот почему политологи США задумались о том, как добиться «всемирности понятий» в политической науке и в итоге сделать ее «истинно транснациональной» (см. Р. 151).